

БЪДНОСТЬ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КРИТИЧЕСКІЙ И ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. СТРАХОВА.

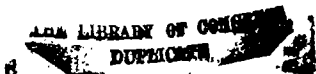
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1868.

K F 17878

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 14-го апрѣля 1868 г.

Въ типографіи Н. Неклюдова. В. О., 8 л., д. № 25.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. Различныя стороны нашей бѣдности	1
II. О произведеніяхъ, «недостойныхъ» хорошей литературы	11
III. Современная бѣдность	22
IV. Общій ходъ нашей литературы	30
V. Нигилизмъ. Причины его происхож- денія и силы	45
VI. Нѣчто о Пушкинѣ, главномъ сокровицѣ нашей литературы	54
VII. Вредный характеръ нашей литературы	68

I. Различныя стороны нашей бѣдности.

Бѣдна наша литература и скудно наше умственное развитие :

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu.

Эта старая пѣсня — нѣтъ-нѣтъ да и отзовется у насъ особенно громко, какъ будто что-то новое. Непонятною для насъ самихъ силою держится Русь, съ непонятвою для насъ самихъ крѣпостію выдерживаетъ она разныя испытанія и дѣлаетъ успѣхи и приобрѣтенія. И при каждомъ такомъ случаѣ, при каждомъ испытаніи, при каждомъ успѣхѣ, въ насъ болѣзненно пробуждается сознаніе нашей духовной несостоятельности, и мы восклицаемъ: «какъ мы бѣдны мыслію и духомъ!»

Мы чувствовали себя почти польщенными, когда, по случаю нашихъ успѣховъ въ Средней Азіи, какой-то англійскій журналъ замѣтилъ, что нужно радоваться нашимъ приобрѣтеніямъ въ этихъ дикихъ странахъ, ибо-де русскіе все-таки народъ цивилизованный и принесутъ порядокъ и миръ въ эти дикія населенія. Во время послѣдняго польскаго возстанія долго мы перебирали оружіе нашего духовнаго арсенала, какъ выражался одинъ журналъ, и остались весьма недовольны его скудостію. Вотъ и теперь пріѣзды къ намъ славянъ и успѣхи нашего языка и нашего вліянія въ славянскихъ земляхъ опять возбуждали въ

насъ стыдъ и смущеніе. Газета «Москва» уже не одинъ разъ напоминаетъ намъ, что мы должны печалиться и чувствовать себя униженными. Почему Россія и русскій языкъ такъ притягиваютъ славянъ? Что мы для нихъ? «Многочисленное племя—отвѣчаетъ Москва (см. 1867 г. № 86)—независимая держава, внѣшняя сила, возможность вещественной защиты отъ угнетеній — и только!» «Но гдѣ же самостоятельное притяженіе, которое долженъ бы оказывать нашъ языкъ на соплеменные народности въ силу своего историческаго призванія?» «Нравственно покорить можетъ только внутреннее содержаніе языка, духовная жизнь, въ немъ проявляющаяся, отраженіе въ немъ общественныхъ нравовъ, науки, искусства, словомъ — литература. И такъ, какой печальный приговоръ надъ нашей литературой произносится настоящими событіями, а съ тѣмъ вмѣстѣ какой приговоръ произносится и надъ всею жизнію, въ ней отражаемою! Какой урокъ, какое предостереженіе дается намъ на будущее время!»

И такъ, и радость намъ не въ радость, а въ стыдъ; лестное, по видимому, событіе не подымаетъ нашей народной гордости, не прибавляетъ намъ самоувѣренности, а, напротивъ, наводитъ уныніе... Явленіе, надъ которымъ стоить остановиться. Нельзя сказать, чтобы оно было слишкомъ просто, чтобы мы вполне ясно понимали его источники и хорошо видѣли, къ чему должны насъ вести подобныя печальныя настроенія.

Нѣтъ сомнѣнія, важную роль играетъ здѣсь та постоянная потребность самоосужденія, самообличенія и даже самооплеванія, которая составляетъ одну изъ чертъ русскаго характера. Самодовольство и самовосхваленіе для насъ нестерпимы; напротивъ, для насъ составляетъ пріятное препровожденіе времени всячески казнить самихъ себя, не давать себѣ ни въ чемъ пощады, прилагать къ себѣ самыя высокія требованія. Малымъ насъ не удовлетворишь; шагъ за шагомъ мы идти не умѣемъ; подавай намъ все сразу, а не то мы и слушать, и смотрѣть не станемъ. И такъ-какъ за маленькимъ гонаться не стоить, а большое не такъ

то легко дается, то мы и предпочитаем сидѣть сложа руки и — ругаться.

Куда насъ приведетъ подобное настроеніе, это одинъ Богъ вѣдаетъ. Требовательность къ самому себѣ, недовольство собою — конечно, черты прекрасныя, подающія хорошую надежду. Но оставимъ эту таинственную точку зрѣнія, съ которой особенность народнаго характера можетъ быть истолкована равно и въ хорошую и въ дурную сторону. Возьмемъ дѣло съ точекъ зрѣнія болѣе общихъ и простыхъ.

Чувство нашей духовной несостоятельности еще не есть доказательство такой несостоятельности. Оно вѣдь прежде всего свидѣтельствуетъ только, что мы не можемъ рассмотреть, состоятельны мы или нѣтъ. Можетъ быть, мы вполне состоятельны въ духовномъ отношеніи; русскому человѣку хочется въ это вѣрить; даже, въ сущности, онъ не можетъ этому не вѣрить, если не желаетъ лишиться всякой опоры для своей мысли и дѣятельности. Но вполне достоверно то, что мы не сознаемъ этой состоятельности и, если она есть, не умѣемъ ни видѣть ее ясно и отчетливо, ни выражать ее опредѣленно и твердо. Сколько было писано, напримѣръ, по польскому вопросу! Казалось, всѣ стороны его были взвѣшены и разобраны. А между тѣмъ, едва-ли сдѣлались ходячими и прочно утвердились въ нашихъ умахъ тѣ черты его, въ силу которыхъ видно, что польское дѣло рѣшено исторіею въ нашу пользу вслѣдствіе нашего нравственнаго превосходства надъ поляками, а не въ слѣдствіе одного перевѣса вѣншей силы. Еще недавно, на славянскомъ съѣздѣ, какимъ яркимъ и неожиданно-рѣшительнымъ показался простой аргументъ князя Черкаскаго: пусть поляки въ Галиціи сдѣлають для крестьянъ то, что русскіе сдѣлали для польскихъ крестьянъ въ Польшѣ!

Итакъ, первая наша бѣдность есть бѣдность сознанія нашей духовной жизни. Мы одинаково не знаемъ ни ея дурныхъ, ни ея хорошихъ сторонъ, и осуждаемъ ее огуломъ, безъ разбора. Драгоценнѣйшія черты этой жизни,

прекраснѣйшіе ея зачатки для насъ неясны, и потому все равно что не существуютъ.

Легко видѣть, что изъ недовѣрія къ своей духовной жизни, изъ сомнѣній въ ея состоятельности, должны возникать нѣкоторыя печальныя слѣдствія. Необходимо возникаетъ пренебреженіе къ ея явленіямъ, высокоумное и невнимательное отношеніе къ нимъ. Что бы ни совершалось вокругъ насъ, какія бы формы ни принимала та трудная, глубокая и медленная борьба, которая называется жизнью, мы ничего не удостоиваемъ полного вниманія, все считаемъ пустяками. Презрительно смотримъ мы на движеніе, вокругъ насъ совершающееся; ни къ чему у насъ нѣтъ теплаго, живаго участія. Такимъ образомъ, вторая наша бѣдность есть бѣдность уваженія и безпристрастія, совершенная потеря способности цѣнить явленія по ихъ достоинствамъ; а на мѣсто ея намъ дана одна способность пренебрегать и осуждать.

При этомъ обнаруживается почти полный недостатокъ чувства собственной отвѣтственности, того чувства, которое одно можетъ быть плодотворно при такомъ положеніи вещей. При мысли о нашей духовной бѣдности, казалось бы, каждому должна приходиться на умъ его собственная духовная бѣдность; казалось бы, каждый долженъ былъ смиряться и употреблять всѣ усилія, чтобы накопить кой-какія богатства и уйти отъ общаго приговора. Но ни чуть не бывало. Роль судьи такъ легка и соблазнительна, что всѣ лѣзутъ въ судьи, и эти судьи забываютъ, что они въ то же время и подсудимые. Никто не припоминаетъ предложенія, нѣкогда посрамившаго строгихъ судей: «кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ пусть броситъ первый камень». Невозможно иногда надивиться при видѣ того, изъ какихъ тучъ летятъ у насъ камни и громы. Не люди, богатые духовными силами, укоряютъ другихъ въ бѣдности и бездѣйствіи, а, напротивъ, бѣднѣйшіе изъ бѣдниковъ подымаютъ хулу на тѣхъ, кто еще кой-что имѣетъ и кой-что дѣлаетъ.

Такимъ образомъ, чувство нашей духовной бѣдности, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, порождаетъ у насъ явленія, не подстрекающія и усиливающія наше развитіе, а напротивъ, такія, которыя его задерживаютъ и подавляютъ. По евангельской притчѣ о талантахъ, всякому имѣющему дастся и приумножится, а у неимѣющаго отыметъ и то, что онъ имѣеть. Будучи бѣдны духовною жизнью, мы, въ то же время, оказываемся бѣдными ея сознаниемъ, уваженіемъ къ ея явленіямъ и чувствомъ собственной отвѣтственности.

Дѣло будетъ яснѣе, если мы приложимъ эти сужденія къ болѣе опредѣленному предмету. Заговоривъ о нашемъ духовномъ безсиліи, «Москва», въ частности, коснулась нашей литературы, и вотъ какими чертами характеризуетъ она ея бѣдность (см. 1867 г. № 97).

«Приступить славянину къ нашему письменному богатству — что же онъ найдетъ? Два-три истинно-великихъ художника; два-три писателя съ порывами къ истинно-самостоятельному мышленію; нѣсколько дѣльныхъ изслѣдованій — большіе изъ диссертаций, обезпечивающихъ вступленіе въ профессуру; нѣсколько произведеній изъ жанра, въ родѣ рассказовъ г. Успенскаго и отчасти драмъ самого г. Островскаго — этихъ попытокъ дагеротипировать уродства быта и рѣчи и возвести карикатуру въ перлъ созданія. Затѣмъ довольно переводовъ, неотличающихся вѣрностію подлинникамъ; еще болѣе бельетристическихъ произведеній, не отличающихся дарованіемъ, наконецъ творенія Бѣлинскаго, Чернышевскаго и tutti quanti — недоваренные объѣдки чужихъ мыслей. И только. Академія издаетъ свои труды на французскомъ и нѣмецкомъ; университеты съ благоразумной экономіей остерегаются давать публикѣ, пропорціонально числу своихъ профессоровъ, хотя бы двадцатую долю того, что даютъ пропорціонально числу своихъ дѣятелей заграничные университеты. Словомъ, наука даже не въ дѣтствѣ, а въ младенчествѣ; не можетъ до сихъ поръ покончить споръ даже о томъ, съ чего должно начинать учиться; публицистика не въ авантажѣ обрѣдается... Немного и непривлекательно...»

Затѣмъ «Москва» начинаетъ мечтать, что будетъ если русская рѣчь, какъ теперь можно надѣяться, получить въ славянскихъ земляхъ полное гражданство, и русскій языкъ распространится въ населеніяхъ этихъ земель.

«Съ тѣмъ вмѣстѣ — говоритъ Москва — разовьется и русская письменность, но разовьется тамъ. Оттуда будемъ мы получать увѣсистые волюмы самостоятельныхъ научныхъ произведеній; тамъ будутъ лучшіе органы самостоятельной періодической печати; тамъ явятся блестящія бельетристическія произведенія; словомъ, тамъ будутъ наши и мыслители, и публицисты, и поэты. Мы окажемся въ хвостѣ, въ положеніи Бельгіи относительно Франціи; и самый нашъ языкъ, по неизбѣжному закону, подчинится вліянію наиболѣе дѣятельной среды. Вмѣстѣ того, чтобы наложить свою печать на другія племена, мы будемъ обречены понести на себѣ чужой отпечатокъ, и стихъ Пушкина вмѣстѣ съ его прозой нами же самими будутъ отнесены въ разрядъ ученическихъ попытокъ, недостигшихъ умѣнья владѣть вполне образованною рѣчью!»

Сдѣлаемъ сперва оговорку.

Мы вовсе не хотимъ, что называется, отдѣлать «Москву» за легкость ея мнѣній относительно русской литературы вообще и Пушкина въ особенности. Въ настоящемъ случаѣ, насъ ни мало не обуреваютъ полемическій задоръ. Притомъ легкая газетная замѣтка, вызванная текущими событіями, не можетъ быть обсуждаема, какъ обстоятельное, отчотливое мнѣніе; да въ ней нѣтъ и той опредѣленности, съ какою выразилось бы подобное мнѣніе. Признаемся откровенно: мы просто придираемся къ случаю, чтобы поговорить о предметѣ, сильно насъ интересующемъ.

Прежде всего въ словахъ уважаемой нами газеты, конечно, слѣдуетъ видѣть выраженіе того высокоумія и невниманія, съ которыми славянофилы всегда смотрѣли на нашу литературу—высокоумія и невниманія, давно заявляемаго и всѣмъ извѣстнаго. Источникъ этого пренебреженія также извѣстенъ. Всѣ знаютъ, какъ высоко ставятъ славянофилы русскій народъ, какія великія ожиданія они

на него возлагаютъ, какія огромныя силы ему приписываютъ. И вотъ именно въ силу этихъ великихъ ожиданій и требованій, наше настоящее умственное движеніе является имъ мелкимъ и скуднымъ. Славянофилы не вѣрятъ въ нигилистическій переворотъ Петра; они думаютъ, что Россія крѣпка и живетъ все еще старыми началами, на которыхъ складывалась и развивалась ея прежняя жизнь. И вотъ именно изъ-за этого уваженія къ прошедшему, изъ желанія придать болѣебшій смыслъ и болѣебшую цѣльность русской исторіи, они недовѣрчиво смотрятъ на явленія новаго времени.

Но мы не будемъ останавливаться на этихъ особенныхъ взглядахъ, не станемъ разсматривать того, на сколько ли правильно дѣлается приложеніе ихъ къ русской литературѣ, на сколько они вѣрны въ своихъ основахъ. Возьмемъ дѣло проще, съ обыкновенныхъ точекъ зрѣнія.

Въ приведенныхъ нами словахъ «Москвы» есть факты, поразительно обнаруживающіе нашу умственную бѣдность. И вопервыхъ, слова эти, конечно, еще не всякому вполне докажутъ скудость и слабость нашей литературы; но несомнѣнно доказываютъ они скудость и слабость нашего пониманія своей литературы; изъ нихъ ясно, что мы не знаемъ своей литературы, что у насъ не выработано прочныхъ, ясныхъ понятій о тѣхъ, хотя бы и скудныхъ и неблистательныхъ явленіяхъ, которыя составляютъ эту литературу. Сопоставленіе г. Островскаго съ г. Успенскимъ и Бѣлинскаго съ Чернышевскимъ, сопоставленіе лукавое, сдѣланное по той же манерѣ и съ тѣми же цѣлями, какія въ сильномъ ходу въ нашихъ юмористическихъ журналахъ, представляющее явное подражаніе тому остроумію, которое такъ часто сводитъ на одну доску г. Аксакова и г. Аскоченскаго, г. Каткова и г. Скарятину, подобное сопоставленіе въ такомъ серьезномъ органѣ, какъ «Москва», — фактъ достопримѣчательный. Оно показываетъ, что даже самыя крупныя явленія нашей литературы не получили надлежащей оцѣнки, не разграничены, не выяснены въ своемъ значеніи. Газета «Москва» въ приведенныхъ сло-

вахъ какъ будто дѣлаетъ слѣдующій вызовъ: а ну-те-ка, покажите намъ, какое различіе между вашимъ хваленымъ Островскимъ и г. Успенскимъ, между прославленнымъ Бѣлинскимъ и г. Чернышевскимъ?

Бѣдная литература! Бѣдная критика! Ни одного твердо сложившагося мнѣнія, ни одного общепризнаннаго авторитета! У славянофиловъ и у западниковъ мы вездѣ находимъ одинаковое незнаніе нашего умственнаго и художественнаго движенія. Одинъ журналъ ссылается на Бѣлинскаго какъ на столпъ просвѣщеннаго западничества, и по прямой линіи производитъ отъ него тургеневскаго Потугина, стремящагося спасти Россію во время сказаннымъ, нужнымъ словомъ; другой журналъ видитъ въ Бѣлинскомъ истинно-русскаго человѣка и толкуетъ его слова въ совершенно славянофильскомъ духѣ; третій, наконецъ, ставитъ его на одну доску съ утопистомъ Чернышевскимъ. Мы могли бы привести не мало и другихъ примѣровъ, еслибы не боялись, что они, относясь къ такому темному и смутному дѣлу, будутъ совершенно неясны для читателей.

Ясно одно: наша критика, то-есть сознаніе нашего движенія, оцѣнка различныхъ его явленій, находится въ жалчайшемъ положеніи; она не выработала никакихъ точныхъ, общепринятыхъ результатовъ.

И опять вѣдь не то! Пожалуй, критика и не виновата. Читатели согласятся съ нами, что если порыться въ нашей бѣдной литературѣ, то найдется въ ней не мало страницъ, въ которыхъ отчетливо и обстоятельно излагаются значеніе г. Островскаго, отношеніе его къ прежнимъ писателямъ, сущность того переворота, который онъ сдѣлалъ въ русской сценѣ, сила или слабость тѣхъ возраженій, которыя можно противъ него сдѣлать. Найдутся также страницы, въ которыхъ по заслугамъ оцѣнивается дѣятельность Бѣлинскаго, указываются періоды этой дѣятельности, вліянія, подъ которыми она находилась, и отдѣляется то, что въ ней было напускнаго и фальшиваго, отъ чистаго золота, добытаго этимъ талантомъ. Что касается до г. Чер-

нышевскаго, то, по особымъ обстоятельствамъ, о немъ мало было писано; но и о немъ кое-что найдется, во всякомъ случаѣ на столько-то найдется, чтобы провести различіе между нимъ и Бѣлинскимъ.

Да, эти страницы найдутся; но только кто же ихъ станетъ искать? У кого окажется на столько сильно уваженіе къ нашей литературѣ и на столько слабо пренебреженіе къ ней, что онъ займется этимъ, какъ серьезнымъ дѣломъ, что онъ не побрезгаетъ имъ, какъ брезгаетъ всѣмъ русскимъ тургеневскій Потугинъ? Не покажется ли большинству даже смѣшнымъ человѣкъ, которому бы вздумалось взяться за столь маловажное занятіе? Мы помнимъ, какъ одинъ московскій журналъ, изъ самыхъ серьезныхъ и уважаемыхъ, укорялъ другой журналъ, петербургскій, между прочимъ и за то, что тотъ «все толкуеть о русской литературѣ, да объ Островскомъ». И когда еще сдѣланъ былъ упрекъ? Въ самый разгаръ всякихъ толковъ и споровъ. Теперь же положеніе дѣла въ десять разъ хуже. Если имена Островскаго и Бѣлинскаго, случайно приходя на умъ, вызываютъ лишь высокоумѣнное пренебреженіе, то кто же вспомнитъ объ ихъ дѣятеляхъ и критикахъ? Бѣдная литература, бѣдная критика!

Наконецъ насъ смущаетъ еще одно обстоятельство весьма яркаго свойства. Г. Чернышевскій считается у насъ писателемъ вреднымъ и сочиненія его нелѣпыми фантазіями. Другое дѣло Бѣлинскій. Слава его, какъ знатока и вѣрнаго дѣятеля произведеній нашей литературы, имѣетъ у насъ большую прочность и большое распространеніе; кстати, — въ нынѣшнемъ году печатается третье изданіе полного собранія его сочиненій. Безъ сомнѣнія, эти сочиненія составляютъ настоящую книгу каждаго учителя русской словесности въ каждой русской гимназіи. Спрашивается теперь, какъ переварить въ своей головѣ такой учитель или его питомецъ сопоставленіе Бѣлинскаго съ г. Чернышевскимъ? Какой смыслъ онъ можетъ найти въ этомъ сопоставленіи, и какъ выйдетъ изъ путаницы понятій, которая въ немъ неминуемо возбудится? Если онъ повѣритъ

«Москвѣ», то онъ долженъ будетъ думать, что Бѣлинскій если не столь же вреденъ, то по крайней мѣрѣ столь же неоснователенъ, какъ г. Чернышевскій. А гдѣ же основанія? Куда онъ обратится для того, чтобы съ сознаниемъ дѣла отречься отъ своего прежняго руководителя и замѣнить его указанія новыми? Гдѣ онъ найдетъ книги и статьи, которыя бы замѣнили ему двѣнадцать томовъ ясной, отчетливой рѣчи Бѣлинскаго?

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду заступаться за Бѣлинскаго и выставлать его заслуги; мы завели рѣчь о немъ для того только, чтобы выяснить слѣдующій фактъ: существуютъ у насъ люди, пожалуй, цѣлая партія мыслящихъ людей, для которыхъ сочиненія прославленнаго Бѣлинскаго суть не что иное, какъ недоваренные объѣдки чужихъ мыслей. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего прискорбнаго. Даже пріятно воображать, что есть у насъ люди, имѣющіе право на подобное высокоуміе, что есть такіе взгляды на русскую литературу, которые своею глубиною, жизненностью и цѣльностью совершенно затмѣваютъ взгляды Бѣлинскаго. Понятно, что такіе люди должны враждебно относиться къ авторитету Бѣлинскаго, считать его славу за фальшивое явленіе, которое должно современемъ пасть и развѣяться. Но вотъ что нецѣлостно и прискорбно: почему же не пишутъ эти люди? Не составляетъ ли это прямого ихъ долга, не лежитъ ли это на ихъ ответственности? Слава Бѣлинскаго растетъ и укрѣпляется; изданіе слѣдуетъ за изданіемъ—а враждебная партія молчитъ. Нѣтъ въ нашей литературѣ ни изложенія взглядовъ этой партіи на литературу, ни ея суда надъ Бѣлинскимъ, такого суда, который бы основательно и отчетливо опредѣлялъ значеніе знаменитаго критика и не давалъ бы увлекаться его, по мнѣнію партіи, неосновательными сочиненіями.

Только иногда, когда случайно приведетъ ихъ къ тому теченію рѣчи, люди, враждебно относящіеся въ славѣ Бѣлинскаго, дѣлаютъ о немъ пренебрежительный отзывъ, до такой степени пренебрежительный, какъ будто больше говорить о немъ они не читаютъ даже ниже своего достоин-

ства. Точно они только нарочно дразнятъ его почитателей, только желаютъ вызвать въ нихъ недоумѣніе и негодованіе...

И вотъ въ какомъ положеніи дѣло относительно такой огромной знаменитости, какъ Бѣлинскій, относительно человека, памяти котораго нашъ первый современный писатель г. Тургеневъ посвятилъ своихъ Отцовъ и Дѣтей, подобно тому, какъ нѣкогда Бориса Годунова Пушкинъ посвящалъ драгоцѣнной для Россіянъ памяти Карамзина...

Какъ тутъ не скажешь: бѣдная литература! бѣдная критика! ¹⁾

II. О произведеніяхъ, «недостойныхъ» хорошей литературы.

Бѣдна наша литература, но какого рода эта бѣдность? Бѣдность ли это старика, котораго всѣ труды были безплодны, или бѣдность юноши, еще мало успѣвшаго испробовать свои силы? Бѣдность ли это внутренняя, то-есть

¹⁾ Кстати объ изданіяхъ сочиненій Бѣлинскаго; обращаемъ вниманіе почтенныхъ издателей на то, что эти изданія все больше и больше переполняются опечатками самыми грубыми и досадными, а именно—искажающими не одни слова, но и смыслъ рѣчи. Положимъ, что это недодаренные объѣдки чужихъ мыслей, но такъ-какъ наша литература еще не переварила ихъ, то желательно было бы читать ихъ не спотыкаясь на каждой страницѣ и не разыскивая того, гдѣ наборщику угодно было пропустить частицу не и тѣмъ дать рѣчи обратный смыслъ, и дѣйствительно ли онъ вмѣсто слова ручаться поставилъ болѣе модный глаголъ ругаться. Изданія Бѣлинскаго представляютъ одно изъ самыхъ плачевныхъ доказательствъ того, что перепечатки постепенно искажаютъ текстъ и что, слѣдовательно, гуттенбергово изобрѣтеніе еще не освобождаетъ печатающихъ отъ необходимости слѣдить за смысломъ печатаемаго и вполне понимать его.

скудость духовнаго содержанія, которая можетъ сочетаться съ довольно блестящимъ внѣшнимъ обиліемъ, или же это бѣдность внѣшняя, подъ которой скрываются богатые и глубокіе задатки?

Каждый согласится, что на сколько легко указывать вообще на бѣдность нашей литературы, на столько трудно характеризовать эту бѣдность въ частности, опредѣлить ея дѣйствительныя черты, настоящее положеніе дѣла. Бѣлинскій, который знаменитъ тѣмъ, что лишилъ нашу литературу многихъ мнимыхъ богатствъ, и въ силу своего удивительнаго эстетическаго пониманія, строго опредѣлилъ ея дѣйствительныя богатства, часто указывалъ на особенности этихъ немногихъ сокровищъ. Онъ говорилъ, на примѣръ, что мы гораздо богаче крупными талантами, чѣмъ второстепенными, которые могли бы, по видимому, являться чаще первыхъ, что у насъ много является писателей, подающихъ надежды, но рѣдко эти надежды сбываются, что самыя большіе наши дѣятели, по какой-то таинственной судьбѣ, рано умираютъ, чему доказательство — Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, что, наконецъ, наша литература развивается необыкновенно быстро, что въ какія-нибудь десять лѣтъ вкусы и требованія читателей успѣваютъ совершенно измѣниться. Все это совершенно вѣрно; и каждая изъ этихъ чертъ имѣетъ глубокий смыслъ, представляетъ указаніе на существенныя особенности нашего литературнаго развитія. Ясно, что это развитіе имѣетъ нѣкоторый судорожный, неправильный, какъ-бы чѣмъ-то подавленный и однако неудержимо рвущійся ходъ; это литература, почему-то не могущая ни на чемъ остановиться, не дающая зрѣть своимъ талантамъ, не успѣвающая крѣпнуть и развиваться въ опредѣленныхъ формахъ. Только сильныя таланты, крѣпкіе сами собою, успѣваютъ дѣлать свое дѣло въ такой литературѣ; мелкіе она сбиваетъ съ толку, ибо не даетъ образоваться никакой рутинѣ и быстро доходитъ до конца всякой разъ проторенной дороги.

Итакъ эта бѣдность есть бѣдность совершенно особен-

ная, своеобразная. Разсматривая ея черты, можетъ быть, можно открыть весьма серьезныя основанія для надеждъ на будущее. Если мы, наиримѣрь, убѣдимся, что та безостановочность и быстрота развитія, о которой такъ часто говорилъ Бѣлинскій, имѣетъ мѣсто и до сихъ поръ, то уже это одно будетъ свидѣтельствомъ сильной живучести нашей литературы. Если мы взвѣсимъ всѣ препятствія, которыя эта литература встрѣчала въ своемъ развитіи, то, можетъ быть, найдемъ, что она не мало и сдѣлала. Можетъ быть, окажется, что удивительнымъ образомъ въ этой литературѣ сказалась душевная мощь великаго народа, того народа, который Европа до сихъ поръ считаетъ варварами и который въ лицѣ своихъ образованныхъ представителей самъ впадаетъ иногда въ сомнѣніе и сокрушеніе относительно своихъ духовныхъ силъ.

Собственно говоря, вотъ полный объемъ задачи для того, кто заговорилъ о нашей духовной бѣдности. Если мы действительно великій народъ, если таковы наши надежды и притязанія, то наша литература должна представлять задатки великой литературы. Такъ или иначе, въ ней должны найтись черты той силы, которую мы за собою признаемъ, должны открываться широкія и могучія стремленія, достойныя великаго народа. Открыть и уяснить эти задатки и стремленія—вотъ задача, хотя можетъ быть и весьма трудная, но настоящая задача для того, кто хотѣлъ бы вполне объяснить намъ нашу бѣдность.

Каждая вещь должна быть судима на основаніи ея самой. Ничего нельзя понять ни въ какомъ дѣлѣ, если мы будемъ становиться на чуждыя ему точки зрѣнія, если будемъ прикидывать къ нему чуждыя ему мѣрки. Бѣлинскій потому и вѣренъ во многихъ своихъ сужденіяхъ, потому и приобрѣлъ свою славу, имѣлъ сильное вліяніе и многое сдѣлалъ, что онъ—несчастный!—сливался душой съ этою бѣдною литературою, жилъ ея скудною жизнью, принималъ ея дѣла въ сурьезъ самый сурьезнѣйшій. Но только такъ и можно вполне вѣрно понимать литературныя стремленія. Не будемъ брезгать ими и смотреть на нихъ свы-

сока; только тогда мы поймем ихъ настоящее значеніе. Литература есть дѣло органическое; ея недостатки тѣсно граничатъ съ ея достоинствами, и тамъ, гдѣ высокоумный взглядъ видитъ лишь больное мѣсто, въ дѣйствительности, можетъ быть, окажется здоровое и глубокое усиліе организма избавиться отъ худосочія.

Такъ на сей разъ случилось съ «Москвою». Какъ на какое-то темное пятно въ нашей литературѣ она указываетъ на драмы самого (ея слово) Островскаго. Эти драмы, какъ извѣстно, составляютъ самую значительную и, пропорціонально объему, самую лучшую часть нашего репертуара; ими, главнымъ образомъ, пробавляются наши столичные и провинціальныя театры. Но что же это за богатство? Что въ нихъ хорошаго? По словамъ «Москвы», это не болѣе, какъ «попытки дагеротипировать уродства быта и рѣчи и возвести карикатуру въ перлъ созданія».

Упрекъ, по видимому, мѣткій. Въ самомъ дѣлѣ, вообще говоря, нельзя не согласиться съ Добролюбовымъ, что миръ драмъ г. Островскаго есть темное царство, царство, изобилующее уродствами быта и рѣчи. Нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что не думалъ г. Островскій обличать это царство, какъ полагалъ Добролюбовъ, а именно хотѣлъ нѣкоторымъ образомъ возвести его въ перлъ созданія. По выраженію Ап. Григорьева, это былъ культъ изображаемаго быта, попытка схватить всѣ его живые и поэтическіе моменты.

Многимъ это не нравилось. Обыкновенный, ходячій упрекъ г. Островскому заключается въ изменности изображаемаго имъ быта. Все купцы да купцы!.. И вотъ этотъ давнишній упрекъ, какъ нарочно повторяется при такихъ обстоятельствахъ, которыя, казалось бы, должны были очень поразить упрекающихъ и подсказать имъ болѣе правильное пониманіе дѣла.

Кому неизвѣстно, что г. Островскій съ нѣкотораго времени измѣнилъ свою дѣятельность? Онъ какъ будто послушался своихъ всегдашнихъ корителѣй. Онъ бросилъ

презрѣнную прозу и пишетъ стихами; онъ повинулъ своихъ купцовъ и выводитъ намъ на сцену дворянъ, бояръ, воеводъ, царей; онъ уже не изображаетъ намъ семейныхъ драмъ темнаго царства, а представляетъ историческія событія, государственные перевороты.

Что же, лучше вышло? Обогадилась русская литература? Увы! «Москва» говоритъ такъ, какъ будто этихъ стихотворныхъ драмъ, изображающихъ высокія лица и дѣянія, вовсе не существуетъ на свѣтѣ; «Москва» помнитъ только бытовые драмы, возводящія въ перлъ созданія уродства быта ирѣчи. И это совершенно справедливо; именно этими драмами былъ и будетъ извѣстенъ г. Островскій; именно онъ составляютъ его главную и неотъемлемую заслугу. А изъ этого слѣдуетъ, что не даромъ онъ прежде такъ упорно держался этой области, не даромъ избралъ ее и въ ней работалъ. Это было правильное, правдивое, а потому и плодотворное приложеніе его таланта.

Для ясности припомнимъ нѣкоторые аналогическіе факты изъ исторіи нашей литературы—ибо, вѣдь, наша бѣдная литература уже имѣетъ свою исторію, и притомъ весьма поучительную, хотя и мало извѣстную и мало понимаемую. Когда Пушкинъ издалъ «Повѣсти Бѣлкина», то ему дѣлали упреки, совершенно подобныя упрекамъ, дѣлаемымъ г. Островскому за бытовые драмы. Юный тогда Бѣлинскій приходилъ въ отчаяніе. «Вотъ передо мною лежатъ—писалъ онъ—Повѣсти, изданныя Пушкинымъ: неужели Пушкинымъ же и написанныя? Пушкинымъ, творцомъ «Кавказскаго Плѣнника», «Бахчисарайскаго фонтана», «Цыганъ», «Полтавы», «Онѣгина» и «Бориса Годунова»? Правда, эти повѣсти занимательны, ихъ нельзя читать безъ удовольствія; это происходитъ отъ прелестнаго слога, отъ искусства рассказывать; но онъ не художественныя созданія, а просто сказки и побасенки». «Словомъ, — прибавляетъ опечаленный критикъ, —

...Прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!»

Изъ повѣстей, собственно только первая: Выстрѣлъ достойна имени Пушкина» (Соч. Бѣлинскаго, т. I, стр. 328).

Итакъ, эти повѣсти признаны недостойными имени Пушкина, и ясно изъ-за чего: изъ-за неизменности лицъ и событій, ими изображаемыхъ, изъ-за того, что критикъ видитъ въ нихъ «фламандской школы пестрый соръ». Такъ точно г. Островскому говорятъ въ наши дни, что сочиненія его недостойны русской литературы, недостойны именно по причинѣ быта, имъ изображаемаго.

Извѣстна затѣмъ исторія съ Гоголемъ. Даже мало свѣдущимъ въ нашей словесности, конечно, памятны упреки, которые дѣлались Гоголю за сальность его изображеній, за то, что въ его произведеніяхъ нѣтъ лицъ добродѣтельныхъ и свѣтлыхъ, а одни только подлецы и дураки. Но тутъ сила того таинственнаго процесса, который порождаетъ у насъ произведенія, по видимому, недостойныя великой литературы, обнаружилась гораздо яснѣе. Извѣстно, что Гоголь самъ пытался покинуть ту низменную сферу явленій, которая выпала на долю его таланта, пытался подняться въ болѣе высокія области и изобразить намъ людей добродѣтельныхъ и свѣтлыхъ, представителей «несмѣтнаго богатства русскаго духа». Попытка эта должна была совершиться во второй части «Мертвыхъ Душъ». Извѣстно далѣе, что Гоголь не совладалъ съ этою попыткою, и умеръ въ то самое время, когда она лежала на его душѣ, такъ что неудача въ его усиліяхъ въ той или другой степени, очевидно, содѣйствовала его смерти.

Тайну своей борьбы и своей неудачи Гоголь хотѣлъ унести съ собою въ могилу, и потому снегъ уже вполнѣ готовую рукопись второй части своей повѣи. По счастью, сохранился однакоже списокъ нѣкоторыхъ главъ, и онѣ были напечатаны, хотя уже нѣсколько лѣтъ послѣ смерти автора. Поученіе, которое можно извлечь изъ этихъ отрывковъ и вообще изъ всей этой грустной исторіи, казалось бы, не должно быть забыто. Мы попробуемъ изложить его по указаніямъ г. Писемскаго, который, будучи

самъ одаренъ художественнымъ дарованіемъ, былъ, такъ сказать, кровно заинтересованъ въ дѣлѣ. Когда вышли отрывки второй части «Мертвыхъ Душъ», онъ написалъ критическую статью (1855), въ которой объяснилъ, въ чемъ состоялъ грѣхъ Гоголя. Грѣхъ былъ въ томъ, что, обладая способностію юмора, Гоголь «не оперся исключительно на нее въ своихъ созданіяхъ», что онъ «какъ бы испугавшись будто-бы безсмысленно-грязнаго и исключительно соціально-сатирическаго значенія своихъ прежнихъ твореній, и снѣдаемый желаніемъ непремѣнно сыскать и представить идеалы, обрекъ себя на трудъ упорный, насильственный»; что онъ принялся за созданіе лицъ, которыя «внѣ его средствъ».

Эта измѣна своему таланту была глубоко противна художественному чутью г. Писемскаго. Выписавъ страницу, на которой изображается «чудная славянская дѣва», Улинька, дочь генерала Бетрищева, онъ весьма справедливо говоритъ:

«Описаніе это, по моему мнѣнію, ниже самыхъ напыщенныхъ описаній великосвѣтскихъ героинь Марлинскаго, потому что тамъ, по крайней-мѣрѣ, видно болѣе знанія дѣла и наконецъ положено много остроумія. Тонъ рѣчи этой восемнадцатилѣтней дѣвушки превосходитъ фальшивостію самое описаніе».

Статья заключается нравоученіемъ, которое вполне вытекаетъ изъ басни и которое

Не худо всегда бы помнить.

«Въ заключеніе, говоритъ г. Писемскій, могу пожелать всѣмъ намъ, писателямъ настоящаго времени, призваннымъ проводить животворное начало Гоголя, или внести въ литературу свое новое,—одного: чтобы, имѣя въ виду ошибки великаго мастера, каждый шелъ по избранному пути, не насилуя себя, а оставаясь къ себѣ строгимъ въ эстетическомъ отношеніи, говорилъ, сообразуясь съ средствами своего таланта, публикѣ правду» (Соч. Писемскаго, т. II, стр. 273).

Правда, чистая, строгая правда—вотъ требованіе, которое въ лицѣ г. Писемскаго высказало русское словесное искусство. И кто знаетъ нашу литературу, тотъ не можетъ сомнѣваться, что это же требованіе обращаетъ къ себѣ каждый русскій художникъ. Припомнимъ здѣсь вкратцѣ еще словцо того же писателя, которому, по нѣкоторой особености его таланта, привелось высказать нѣсколько откровенностей, можетъ быть, грубыхъ, но искреннихъ и значительныхъ. Г. Писемскій вывелъ себя самого на сцену въ романѣ «Вабаламученное Море». Онъ рассказываетъ, какъ онъ читалъ свою повѣсть «Старческій грѣхъ», и заставляеть одно изъ дѣйствующихъ лицъ, нѣкотораго умнаго и многоопытнаго старца, произнести такой приговоръ его таланту, что путь, котораго онъ, г. Писемскій, держится, есть единственный честный путь.

Великъ здѣсь порывъ авторскаго самолюбія, но его не только можно извинить, а можно найти достойнымъ всякаго уваженія, если мы поймемъ, на какомъ поприщѣ это самолюбіе состязается съ другими. Въ чемъ наши художественные писатели стремятся превзойти одинъ другого? Въ честности отношенія къ дѣлу, въ неподкупной правдивости, въ строгости къ самому себѣ, въ точномъ сообразованіи своихъ усилій со средствами своего таланта.

Такова наша бѣдная литература! Невозможно не замѣтить того тяжкаго и упорнаго труда, который она на себѣ несетъ. Русскіе художники признають для себя требованія непомерно высокія; они работаютъ, исполненные какой-то религиозной боязни отступить отъ правды; они не смѣютъ прибѣгнуть ни къ единому рутинному приему, ни къ малѣйшему облегченію своего труда посредствомъ готовыхъ, привычныхъ формъ. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ выставить нѣкоторыя произведенія нашей литературы на образецъ всему міру. Можно поравняться съ ними въ правдивости, но превзойти ихъ невозможно.

Если же такъ, то изъ этого мы можемъ понять, что значить для нашего художника выборъ предметовъ, которые онъ возводитъ въ перлъ созданія. Не по произволу совер-

шается такой выборъ; онъ совершается честно. Поэтому нужно ставить за славу писателю, если онъ строго держится границъ своего таланта; напротивъ, горе тому, кто ихъ покидаетъ!

А отсюда слѣдуетъ, напримѣръ, что нельзя упрекать г. Островскаго за бытъ, который онъ воспроизвелъ въ своихъ драмахъ: если вы ихъ признаете въ извѣстной мѣрѣ художественными произведеніями, то должны вмѣстѣ признать за заслугу г. Островскаго то, что онъ держался именно этого быта, а не какого другого. Онъ честно служилъ дѣлу, и слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ подпасть презрительному отзыву.

Но отчего же, спроситъ читатель, наши правдивые писатели избираютъ все такіе низменные предметы? Отчего они не подарятъ намъ ничего возвышеннаго, величаваго? «Зачѣмъ же—какъ уныло говорилъ самъ Гоголь—изображать бѣдность да бѣдность, да несовершенство нашей жизни?» Когда же, наконецъ, предстанетъ передъ нами «несмѣтное богатство русскаго духа»? Скоро ли?

Предметъ такъ высокъ, что жутко становится говорить о немъ. Надо такъ полагать, что придется намъ еще подождать порядкомъ. Гоголь обѣщалъ скоро, «еще въ сей же поэмѣ», то-есть въ «Мертвыхъ Душахъ». Но онъ не сдержалъ обѣщанія, а намъ теперь даже странно, что онъ его сдѣлалъ.

Все это, весьма достойно вниманія. Была, значить, въ нашей литературѣ минута такого возбужденія и напряженія, когда поэтъ горячо вѣровалъ въ несмѣтное богатство русскаго духа, когда онъ считалъ себя на столько прозрѣвающимъ въ это богатство, что смѣло обѣщалъ поставить его передъ глазами читателя. Это обѣщаніе какъ будто сдѣлала намъ сама русская литература въ лицѣ одного изъ своихъ великихъ представителей. По всему этому нужно полагать, что она его сдержитъ.

Но мы ясно теперь видимъ, что Гоголь самъ не могъ сдержать этого обѣщанія. Не таковы (были его силы, и главное не таковъ былъ неизбежный, неотвратимый пово-

ротъ, который совершался въ нашей литературѣ. Въ самомъ повѣѣ это, очевидно, былъ порывъ назадъ, въ Пушкину. Его Улына задумана по Татьянѣ. Но идти назадъ, идти противъ развитія невозможно.

Теперь, послѣ всего того, что сдѣлано въ нашей литературѣ, обѣщаніе Гоголя звучитъ какой-то дерзкой, такъ сказать, героической наивностію. Теперь, когда мы такъ глубоко переболѣли всякими мукami анализа и жаждой правды, насъ мудрено было бы обмануть такимъ обѣщаніемъ.

Мы вѣримъ въ «несмѣтное богатство русскаго духа», но потому самому считаемъ болѣе приличнымъ не торопиться этимъ дѣломъ и не сокрушаться заранее. Ждали долго, подождемъ и еще. Дѣло, какъ видно, не шуточное и не маленькое, коли съ разу не дается. Если это—несмѣтное богатство, то пусть оно и будетъ несмѣтнымъ, неисчерпаемымъ, а не такимъ, которое легко было бы представить «въ сей же повѣѣ». Будемъ вѣрить, а до тѣхъ поръ постараемся только не обманывать себя мнимыми богатствами, постараемся честно и строго смотрѣть на свое дѣло.

Ядовитый процессъ этого неудовлетворенія и стремленія, который переживаетъ наша литература, начался, какъ мы замѣтили, въ Пушкинѣ, въ кульминаціонной точкѣ нашего литературнаго развитія. Онъ первый оставилъ возвышенныя сферы, которыя, по видимому, были ему сроднѣе, чѣмъ кому-либо, первый принялся за жанръ, за пестрый соръ еламанской школы, или, по его выраженію, подмѣшалъ воды въ свой повѣическій бокалъ. Въ величайшемъ нашемъ писателѣ сказалась вдругъ потребность какого-то отрезвленія, и съ тѣхъ поръ она царитъ въ нашей литературѣ. Изъ нея нужно объяснять явленія этой литературы. Изъ нея объясняется прозаически-ноющій стихъ Некрасова, напряженный анализъ гр. Л. Толстаго, симпатія къ слабымъ натурамъ Ф. Достоевскаго, постоянная несостоятельность героевъ Тургенева, обнаженный реализмъ Писемскаго; изъ нея же слѣдуетъ объяснять повѣическое воспроизведеніе извѣстнаго быта въ драмахъ Островскаго.

Въ своемъ стремленіи къ трезвости и правдивости, наша литература доходитъ иногда до цинизма, до признанія законными и достойными сочувствія явленій, которыя въ сущности незаконны и недостойны никакого сочувствія; доходитъ она и до тупости, до непониманія и отрицанія идеаловъ; но не нужно забывать, что это частности и промахи, и упускать изъ виду существенный источникъ дѣла.

И трудно же было нашимъ поэтамъ, постигавшимъ, какъ далеко они стоятъ отъ несмѣтнаго богатства русскаго духа! Уже Гоголь говорилъ, что «много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія». Въ послѣдовавшихъ за нимъ писателяхъ можно встрѣтить истинныя чудеса добросовѣстности въ работѣ. Стать въ самое правильное, самое простое отношеніе къ жизни, ничѣмъ не затемненное и не искаженное—вотъ цѣль, которую всѣ имѣли въ виду. Поэтому, нельзя не видѣть, что эти писатели сдѣлали дѣйствительныя поправки того отношенія къ дѣйствительности, которое господствовало у Гоголя. Напримѣръ, отношеніе г. Островскаго къ изображенному имъ быту несравненно вѣрнѣе, чѣмъ отношеніе Гоголя.

И вотъ почему бытовые драмы г. Островскаго принадлежатъ къ настоящимъ богатствамъ нашей литературы; онѣ составляютъ произведеніе той глубокой и трезвой струи, которая ведетъ начало своего теченія отъ Пушкина; въ этомъ смыслѣ онѣ суть яркое свидѣтельство живучести нашей литературы.

Бѣдная литература! Она похожа на человѣка, который принялся за свой трудъ весело и бодро, который усердно работалъ и уже льстился надеждой, что онъ что-то сдѣлалъ, что близокъ конецъ задачи; помните:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный...

Вдругъ въ работѣ встрѣчается затрудненіе, которое сначала кажется незначительнымъ и легко побѣдимымъ; но чѣмъ дальше идетъ работа, тѣмъ больше становится и затрудненіе; задача начинаетъ расти и развертываться все

шире и шире; и чѣмъ упорнѣе работаетъ нашъ труженикъ, тѣмъ яснѣе только для него становится огромное разстояніе, отдѣляющее его отъ желанной цѣли.

Наша новая литература началась съ первой оды Ломоносова, съ этого великолѣпнаго стиха:

Восторгъ внезапный умъ плѣняетъ,

а кончается она пока, кажется, выраженіемъ Тургенева: все русское — дымъ. Мы начали съ восторга, и приходимъ все къ большому и большому унынію.

Ясно одно: все это признаки жизни, жизни неутомимой, неостанавливающейся. Не будетъ ли современемъ намъ ясно и то, что это признаки великой жизни?

III. Современная бѣдность.

Быстро развивается наша бѣдная литература, и это, можетъ быть, никогда не было такъ замѣтно, какъ въ настоящую минуту.

Какъ? скажутъ намъ, теперь-то? У насъ настало какое-то затишье, какой-то сонъ царитъ повсюду; холодъ, скука, тоска — а вы говорите, литература развивается!

Развивается, повторимъ мы, и въ томъ, что вы называете затишьемъ, мы именно и видимъ признакъ развитія. Разберемъ сперва хорошенько дѣло. Что это за затишье, на которое всѣ жалуются? Если взглянуть на дѣло со стороны, то, по видимому, окажется, что мы не имѣемъ никакого права жаловаться. Газетное дѣло у насъ стоитъ такъ высоко, какъ никогда не стояло; журналовъ у насъ стало больше прежняго; книги оригинальныя и переводныя продолжаютъ выходить во множествѣ, одна другой важнѣе, одна другой серьезнѣе. Изъ своихъ назовемъ для примѣра книгу г. Б. Чичерина «О народномъ представитель-

ствѣ»; какого вы хотите предмета важнѣе и любопытнѣе? Изъ переводовъ укажемъ, на примѣръ, на недавно явившуюся «Критику Чистаго Разума», Канта; чего еще серьезнѣе и глубже? Этого еще никогда и не бывало въ русской литературѣ. Навѣрное лѣтъ 60, а вѣроятно и болѣе, эта критика считается у насъ величайшимъ произведеніемъ ума человѣческаго; но въ теченіе всего этого времени ни разу наша литература не была въ такомъ серьезномъ настроеніи, никогда переводчики или издатели не считали нашихъ читателей такъ глубоко заинтересованными философіею, чтобы рѣшиться усвоить отечественной словесности это знаменитое твореніе, основной камень всей германской мудрости.

А журналы? Съ прошлаго года выходятъ: «Вѣстникъ Европы», «Дѣло», «Женскій Вѣстникъ», «Записки для Чтенія»; съ начала нынѣшняго стали выходить: «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (по новой программѣ, весьма расширенной), «Всемирный Трудъ», «Литературная Библіотека». Неужели мало?

Сообразно съ этимъ, увеличивается и число пишущихъ; вѣдь не одинъ только г. В. П. Авенаріусъ составляетъ новостъ въ нашей литературѣ; появились также г-да Данкевичъ, Н. Кирѣевъ, Е. Бутковскій, Н. Смирновъ, Демидовъ, Н. Хохловъ, А. Боровиковскій, Н. Ѳ. Бажинъ, Н. Свѣденцовъ, Г. Вилламовъ, и проч. и проч., не говоря уже о тѣхъ, которые, какъ г-да А. М., Н. П., М. М-нъ, Г-й, П. К. и т. д. изъ скромности не подписали своего полного имени. Мы ограничиваемся при этомъ одною изящною словесностію, не упоминая о новыхъ критикахъ, публицистахъ, фельетонистахъ и проч.

Прежніе писатели тоже продолжаютъ дѣйствовать, иные даже усерднѣе и удачнѣе прежняго; давно ли мы читали новыя произведенія гг. Тургенева, Островскаго, гр. Л. Н. Толстого, Писемскаго? *).

---

*) А что сказать теперь, когда литература пріобрѣла такое произведеніе, какъ «Война и Миръ», произведеніе, вдругъ заслонившее и

Словомъ, съ каждымъ днемъ литература расширяется и обогащается. На слѣдующій годъ у насъ будетъ, по крайней мѣрѣ, еще одинъ новый ежемѣсячный журналъ. «Вѣстникъ Европы», журналъ историко-политическихъ наукъ, объявляетъ (см. сентябрь 1867), что онъ будетъ выходить двѣнадцатю книжками. «Начавъ, говоритъ онъ, съ опасенія за недостатокъ въ матеріалахъ, мы весьма скоро начали затрудняться ихъ обиліемъ, и вслѣдствіе того явилась само собою возможность и даже необходимость» — увеличить объемъ журнала. Въмѣсто прежнихъ 150 печатныхъ листовъ въ годъ, «Вѣстникъ Европы» обѣщаетъ давать 300 или 350. Онъ будетъ помѣщать произведенія изящной словесности и критическія статьи.

Итакъ, гдѣ же оскудѣніе? гдѣ же затишье? Вообще намъ кажется, что люди, жалующіеся на современное положеніе литературы, едвали вполне ясно понимаютъ, на что они собственно жалуются. Очень часто эти жалобы, которыя такъ постоянно раздаются въ большинствѣ нашихъ повременныхъ изданій, производили на насъ даже весьма комическое впечатлѣніе.

А именно — литераторы, какъ будто жалуются читателямъ на самихъ же себя. Нѣсколько смѣшно читать, на примѣръ, фельетониста, который жалуется на отсутствіе хорошихъ фельетоновъ, критика, который плачетъ объ упадкѣ критики, публициста, который сокрушается о жалкомъ состояніи нашей публицистики. Толстый журналъ вдругъ даетъ понять, что хорошихъ журналовъ у насъ теперь не существуетъ; газета ядовито намекаетъ, что всѣ газеты нынче изъ рукъ вонъ плохи.

Такъ и хотѣлось бы обратиться ко всѣмъ этимъ печальнымъ и сердитымъ людямъ съ слѣдующею рѣчью: вспомните, пожалуйста, что вы сами писатели, критики, редакторы; въ вашихъ рукахъ есть и газеты, и журналы, и сборники; притомъ всѣхъ васъ множество неисчислимое.

отодвинувшее на задній планъ всѣ другія наши новости и затѣи? Это ли оскудѣніе?

Позднѣе. примѣч.

Что же мѣшаетъ вамъ? Блестайте, гремите, изумляйте насъ глубиною мыслей и теплотою чувствованій! Вы на-примѣръ, г. фельетонистъ, столь гнѣвно и презрительно обозрѣвающій явленія нашей текущей литературы — что вамъ мѣшаетъ обогатить эту бѣдную литературу рядомъ блестящихъ фельетоновъ, въ которыхъ было бы еще что-нибудь, кромѣ гнѣва и презрѣнія? Вы, г. публицистъ, что вамъ мѣшаетъ обновить нашу публицистику? и т. д. Ваши жалобы или ничего не значатъ, или доказываютъ только одно — ваше собственное безсиліе.

А если такъ, то чѣмъ хуже вы будете себя чувствовать, тѣмъ лучше. Великій прогрессъ, когда люди, воображавшіе себя сильными, начинаютъ наконецъ сознавать, что они обольщали самихъ себя, что сила ихъ была мнимая. Правда всегда плодотворнѣе лжи.

Уже по одному этому можно судить о томъ времени, когда г-да жалующіеся были довольны, когда, по ихъ мнѣнію, литература процвѣтала и мы быстро шли впередъ. Послушать иныхъ — такъ недавно у насъ былъ золотой вѣкъ журналистики, было сильнѣйшее умственное движеніе, блестящее развитіе. Справедливо ли это? Дѣйствительно ли за нами славное прошедшее, обильное знаменитыми дѣлами? Если мы теперь бѣдны, то не были ли мы еще недавно очень богаты? Увы! мы думаемъ, что едвали возможно питать такіе розовые взгляды на нашу литературу.

Будущій историкъ... удивительно пріятно иногда предполагать, что у насъ будутъ историки—да еще какіе! внимательные, добросовѣстные, проникательные; но читатель долженъ твердо помнить, что это одно предположеніе, которое можетъ и не исполниться; не нужно обольщать себя надеждами; весьма можетъ быть, что мы останемся и безъ историковъ, и что всѣ дѣла наши такъ и останутся нераспутанными и покрытыми мракомъ... И такъ—будущій историкъ нашей литературы, сравнивая книжки золотого вѣка нашей журналистики съ иными изъ тѣхъ журнальныхъ книжекъ, которыя выходятъ теперь, едва-ли въ си-

лахъ будетъ найти какую-нибудь разницу между ними. Въ томъ и въ другомъ періодѣ, онъ найдетъ одинаковую степень учености, одинаковые взгляды, одинаковые художественные приемы; во многихъ случаяхъ даже пишутъ одни и тѣ же лица. Для него, для будущаго историка, весьма трудно будетъ рѣшить, почему же книжка временъ процвѣтанія была встрѣчаема съ восторгомъ и читалась съ жадностію, а совершенно подобная книжка временъ упадка не вызывала ни малѣйшаго вниманія? Судя по внутреннему достоинству этихъ писаній, онъ, пожалуй, найдетъ, что послѣднее отношеніе, то есть холодность и невниманіе—гораздо правильнѣе, чѣмъ странный восторгъ, съ которымъ мы бросались когда-то на эти пустяки. Это такъ вѣрно, что для подтвержденія не нужно ссылаться и на будущаго историка, какъ это мы сдѣлали для выпуклости дѣла. У насъ есть не одни предположенія, а и факты, подтверждающіе нашъ взглядъ. Именно среди самаго разгара процвѣтанія журналистики, у насъ были люди, до того хладнобровные и скептическіе, что они не видѣли въ этомъ процвѣтаніи никакихъ дѣйствительныхъ успѣховъ, и столь же мало находили хорошаго въ тогдашнихъ книжкахъ, какъ и въ нынѣшнихъ. Такіе люди не находятъ, чтобы журналистика наша упала; напротивъ, въ настоящее время чуть ли они не встрѣчаютъ больше пищи для своего ума, чѣмъ прежде.

Итакъ, подлежитъ весьма большому сомнѣнію то, что наша литература прошла нѣкоторый блестящій періодъ, что мы недавно были богаты движеніемъ и развитіемъ. Еслибы было такъ, то у насъ, казалось бы, должны быть въ рукахъ ясныя цвѣты и плоды этого развитія, а ихъ-то мы и не находимъ.

Презагадочное дѣло — эта русская литература; иногда весьма трудно сказать, что такое въ ней дѣлается. Въмѣсто дѣйствительныхъ явленій, передъ нами возникаютъ какіе-то миражи. Совершается какая-то странная, воздушная исторія, напоминающая рассказы о томъ, какъ передъ дѣйствительнымъ сраженіемъ являются на воздухѣ воины

и сражаются между собою. Помните ли вы, какъ происходило это горячее движеніе, непрерывно разраставшееся и усиливавшееся? Возвышались люди, до тѣхъ поръ неизвѣстные; одни смѣяли другихъ; возгарались какія-то распри и торжествовались какія-то побѣды; была увлекательная радость съ одной стороны и страхъ съ другой; совершались какіе-то перевороты, переломы; раздавались крики восторга и злобныя ругательства; словомъ, все движеніе имѣло видъ самой живой и яркой дѣйствительности. Казалось, что передъ нами совершается не воздушная, а настоящая исторія.

И что же? Всѣ помнѣть, какъ все это вдругъ рухнуло, осѣло и исчезло. Дунулъ вѣтеръ, и фата-моргана, въ которой намъ видѣлись города, башни, битвы и кораблекрушенія,—пропала. Собственно говоря, къ этимъ явленіямъ должны быть отнесены горестныя слова г. Тургенева: все русское—дымъ!

До сихъ поръ, однакоже, многіе остаются обманутыми, и считаютъ это прошлое чѣмъ-то дѣйствительнымъ. По неизбѣжному закону, всякая литературная эпоха, имѣвшая жаркихъ поклонниковъ, оставляетъ послѣ себя много людей, которые нелегко расстаются съ своими милыми преданіями, и потому становятся часто ожесточенными старовѣрами, живущими прошлымъ и слѣпыми для настоящаго. Еще и до сихъ поръ встрѣчаются старички, которые вздыхаютъ о временахъ Булгарина. Что же мудренаго, что недавнее время процвѣтанія имѣетъ тоже своихъ вздыхателей. Какое—говорятъ они—было тогда движеніе въ литературѣ! Какія появлялись статьи, возбуждавшія всеобщее вниманіе! Какія критики! Какія повѣсти!

Между тѣмъ, если мы потребуемъ болѣе подробнаго отчета у этихъ поклонниковъ прошлаго, если сами попробуемъ хорошенько взглянуть въ это движеніе, то окажется, что очень трудно уловить его хорошія и плодотворныя стороны. Напротивъ, прежде всего намъ бросятся въ глаза черты комическія и дикія. Собственно говоря,

это было время скандаловъ, время, когда русская литература обнаружила всѣ свои слабыя стороны.

Помните ли вы, читатель, напримѣръ, литовскую теорію происхожденія Руси, придуманную г. Костомаровымъ? Какой шумъ и гамъ былъ изъ-за нея поднятъ! Былъ публичный диспутъ съ г. Погодинымъ, написано множество статей, а между тѣмъ въ сущности, то-есть въ отношеніи къ наукѣ, вѣдь это было не что иное, какъ скандалъ на поприщѣ русской исторіи. Помните ли вы исторію дамы, читавшей публично «Египетскія Ночи» и послѣдовавшая за тѣмъ «Безобразный поступокъ Вѣга»? Смѣшно вспомнить эту невѣроятную кутерьму, на которую было потрачено столько чернилъ и бумаги и такъ мало здраваго смысла. Помните ли вы Никиту Безрылова и грязные воротнички? Странно, если забыли, ибо шуму и грому было не мало. А вопросъ о тупоумныхъ глупцахъ и дрянныхъ пошлякахъ? Но вы навѣрное помните вопросъ о классическомъ образованіи и исторію ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія, который въ ожесточенной полемикѣ былъ разбитъ «Московскими Вѣдомостями». Это былъ великій скандалъ, обнаружившій бѣдность нашихъ умственныхъ силъ и отсутствіе всякихъ твердыхъ педагогическихъ понятій, несмотря на то, что со временъ «Вопросовъ жизни» Пирогова у насъ писались по педагогикѣ цѣлые коробки статей. А помните ли вы эти «Вопросы»? Помните ли?..

Но мы никогда не кончили бы. Довольно и этого... Пересматривая это недавнее прошлое, это время оживленія и процвѣтанія, къ величайшему прискорбію убѣждаешься, что весь этотъ шумъ и гамъ остались безплодны, что ничего изъ него не выработалось, не получилось никакихъ прочныхъ и ясныхъ результатовъ. Шумъ, обыкновенно, возбуждался скандалами, которые совершала въ это время русская литература на поприщѣ наукъ, критики, художества, общественной жизни. Скандалы возбуждали противодѣйствіе; но вся эта странная борьба и дѣятельность, какъ будто въ самомъ корнѣ лишенная живыхъ

соковъ, ни къ чему не приводила и ничего не порождала. Какіе вопросы мы рѣшили? Какія прочныя основы положили? Нивагихъ.

А между тѣмъ прожито много, и много потрачено силъ. Несерьезное дѣло мы принимали въ сурьезъ и трагичали на него свою душу. Такая ужъ увлекающаяся у насъ натура, что мы ничего не умѣемъ дѣлать въ половину, съ осмотрительностію и хладнокровіемъ.

Одинъ изъ остроумнѣйшихъ и глубокомысленнѣйшихъ нашихъ писателей (такіе есть, читатель) сравниваетъ эти явленія не съ дымомъ, какъ г. Тургеневъ, а съ прививною оспою. Онъ утверждаетъ, что мы издавна страдаемъ различными болѣзнями, но болѣзнями, составляющими лишь подобіе настоящихъ, глубокихъ потрясеній организма. Эти прививныя страданія переносятся легко и проходятъ быстро; и будто бы (таково мнѣніе нашего автора) они избавляютъ насъ отъ опасности настоящаго, глубокаго зараженія.

Какъ бы то ни было, мы пережили эпоху какого-то сильнаго и очевидно болѣзненнаго возбужденія. Мы и теперь хотимъ жить, но уже не хотѣли бы жить этою лихорадочною, миражною, призрачною жизнію; вотъ источникъ того общаго разочарованія и недовольства, которое чувствуется теперь. Многое намъ опротивѣло на всегда; многое мы испробовали и на всегда отъ него отказались. Мы чувствуемъ, что вернуться назадъ невозможно, и что насъ можетъ удовлетворить теперь только серьезная, трезвая, здравая дѣятельность.

Итакъ, чѣмъ хуже мы себя чувствуемъ, тѣмъ лучше. Чѣмъ меньше мы собою довольны, чѣмъ меньше у насъ задора, чѣмъ меньше мы надмѣваемся надеждой быть руководителями и просвѣтителями, тѣмъ лучше. Вотъ почему мы сказали, что нынѣшнее затишье и тоска въ литературѣ—признаки ея быстраго развитія. Мы идемъ на встрѣчу чему-то новому.

Русская литература есть весьма серьезная литература; это видно въ самыхъ ея безобразіяхъ, явныхъ слѣдствіяхъ

слишкомъ серьезнаго отношенія къ дѣлу. Нынѣшнее суровое затишье, полное раздумья и недовѣрія къ себѣ, есть также состояніе серьезное, есть дѣйствительный шагъ впередъ.

IV. Общій ходъ нашей литературы.

Сознаніе вообще возрастаетъ медленно.

Такъ точно и сознаніе нашей бѣдности возрасло медленно и выяснилось постепенно. Были времена, когда мы считали себя очень богатыми и хвалились своею литературой; были времена, когда мы кричали: у насъ нѣтъ литературы! Только понемногу мы начинаемъ уразумѣвать, въ чемъ дѣло и каково наше дѣйствительное положеніе.

Мы начали, какъ мы уже замѣтили, съ восторговъ. Наше вступленіе въ среду европейскихъ народовъ, наше присоединеніе къ потоку всемірной исторіи было блистательно и торжественно. Перенесемъ, на примѣръ, въ ту минуту, когда Петромъ была одержана полтавская побѣда; не въ правѣ ли онъ былъ радоваться? И вотъ

Въ шатръ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Этотъ тостъ выражаетъ гордое, радостное самодовольство. Давно ли Петръ сталъ самъ учиться у европейцевъ и заставлятъ учиться своихъ подданныхъ, и вотъ, онъ уже дождался плодовъ своихъ стараній — ученики побѣдили своихъ учителей!

Съ тѣхъ поръ, съ этой радостной минуты прошло много времени. Окно, прорубленное въ Европу, все время стояло настежь; Петербургъ росъ не по днямъ, а по часамъ, и переросъ своимъ многолюдствомъ древнюю, мно-

говѣковую Москву. Прошло сто лѣтъ, и полтораста лѣтъ, и болѣе; все время мы учились усердно, перенимали у европейцевъ все, начиная съ ихъ костюма и кончая ихъ философией. И до чего же дошли мы? Кто скажетъ въ настоящую минуту, что мы поравнялись съ своими учителями? Кто съ радостнымъ сердцемъ предложитъ тостъ за нихъ, какъ за себѣ равныхъ?

Послѣ столькихъ усилій, больше чѣмъ когда-нибудь мы сознаемъ, какъ мы далеки отъ Европы; болѣе чѣмъ когда-нибудь мы чувствуемъ свое безсиліе сравнительно съ нею, безсиліе и матеріальное, и нравственное, и умственное. Севастопольскій погромъ открылъ намъ глаза въ отношеніи къ нашей внѣшней силѣ; но еще болѣе грустныя открытія сдѣланы нами потомъ въ нашемъ умственномъ и нравственномъ настроеніи.

Гдѣ между нами европейцы? Гдѣ та масса русскихъ людей, которая, издавна находясь въ обученіи у Европы, представила бы намъ дѣятелей, равныхъ своимъ учителямъ и готовыхъ потягаться съ ними? Оказалось, что подобныхъ людей у насъ вовсе не успѣло образоваться. Европейское просвѣщеніе приноситъ на нашей почвѣ скудные или уродливые плоды, и, если мы хранимъ въ себѣ запасъ какой-то таинственной силы, то вовсе не потому, что успѣли стать европейцами.

Что же за причина? Одно изъ двухъ: или мы народъ неспособный, скудно одаренный природою и потому навсегда обреченный на роль учениковъ; или же есть нѣкоторое препятствіе къ нашему обращенію въ европейцевъ, есть внутренняя, глубокая причина, мѣшающая намъ идти по этой дорогѣ, сбивающая насъ съ этого, по видимому, гладкаго и протореннаго пути.

Но мы ли неспособны къ чему-нибудь? Извѣстны мы лѣнностію, извѣстны неустойчивостію и распущенностію; но, въ то же время, цѣлому свѣту извѣстны мы своими бойкими способностями. Итакъ есть что-то другое, въ чемъ нужно искать разгадки нашихъ малыхъ успѣховъ. Если въ самой натурѣ, въ задаткахъ нашего нравствен-

наго бытія есть препятствіе, не дающее намъ покорно и слѣпо подчиняться чуждому вліянію, если мы одарены нѣ-которою нравственною самостоятельностью, крѣпкою, но не ясно сознаваемою, то понятно, что должна возникнуть борьба между стремленіями нашихъ душевныхъ силъ и тѣмъ умственнымъ строемъ, который на нихъ налагается, который ставится для нихъ авторитетомъ и правиломъ. Такимъ образомъ, вмѣсто простой исторіи, по которой намъ слѣдовало послушно принимать европейское просвѣщеніе и съ каждымъ годомъ преуспѣвать въ немъ все болѣе и болѣе — получается исторія весьма сложная и темная. Обнаруживается реакція противъ европейскаго просвѣщенія, не въ смыслѣ его отрицанія, а въ томъ смыслѣ, что мы не хотимъ подчиниться ему бездѣтельно, слѣпо, а во что бы то ни стало желаемъ усвоить его себѣ, претворить въ свою дѣйствительную духовную собственность. Мы не хотимъ, да и не въ томъ дѣло, что не хотимъ — мы не можемъ просто слѣдовать по извѣстнымъ путямъ и указаніямъ; это невозможно для народа, который дѣйствительно составляетъ существо нравственное. И по чужимъ путямъ мы хотимъ идти какъ по своимъ собственнымъ, и чужимъ указаніямъ слѣдовать какъ своимъ собственнымъ мыслямъ.

Такъ это необходимо должно было быть, такъ это и было. У насъ совершалась и совершается темная и таинственная исторія борьбы неясныхъ началъ съ ясными, зачатковъ съ развитыми формами. Смыслъ этой борьбы будетъ намъ вполне ясенъ только тогда, когда она кончится, когда наступитъ примиреніе и въ немъ обнаружится, чего искали, къ чему стремились борющіяся силы.

Но только въ этой борьбѣ нужно искать главнаго нерва нашей умственной и литературной жизни; она придаетъ собою многозначительность явленіямъ нашей литературы и различные ея фазисы опредѣляютъ ея періоды.

Наша литература — новая, разумѣется — начинается самымъ страннымъ образомъ: она начинается торжественною пѣснью — одою, да какою! — домоносовскою одою.

Всѣмъ намъ извѣстенъ удивительный литературный типъ этихъ произведеній. Тутъ напрасно говорить о подражаніи. Тонъ ломоносовской оды, ея величавый и могучій стихъ, ея величавый, и въ то же время ясный, спокойный восторгъ, все это типично въ высшей степени, ибо все это искренно, задушевно. Эта ода звучитъ, какъ торжественный колоколь, и послушавши этого звона, никто его не забудетъ.

Въ своей извѣстной диссертациі, К. Аксаковъ весьма справедливо настаивалъ, вопреки Пушкину, на томъ, что Ломоносовъ былъ дѣйствительный поэтъ. Не будучи поэтомъ, невозможно было создать поэтическій языкъ и творенія, столь полныя поэтическихъ порывовъ.

Чтобы понять всю естественность, всю неодолимую силу, внушившую эти оды, нужно вспомнить, что болѣе полувѣка наша литература находилась подъ ихъ вліяніемъ. Весь періодъ до Карамзина можно назвать періодомъ оды. Пушкинъ, дѣятель совершенно иной эпохи, былъ изумленъ такимъ долгимъ вліяніемъ, и написалъ о Ломоносовѣ слѣдующій сердитый и потому несправедливый отзывъ: «Его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ» (Срч. Пушк. Т. V, стр. 403).

Такъ говорилъ человѣкъ, который, вмѣсто неопредѣленнаго восторга, долженъ былъ принести намъ поэтическую правду, настоящую мѣру всякаго восторга и всякаго чувства русской души. Какъ завершитель періода, онъ съ изумленіемъ оглянулся на начинателя періода и записалъ громадную разницу, которую нашелъ между имъ и собою.

Восторгъ Ломоносова былъ восторгъ неопредѣленный, но искренній; это было отраженіе радости Петра послѣ полтавской битвы, чувство своей силы и твердая надежда на блестящую будущность. Петръ былъ любимымъ героемъ Ломоносова, какъ вообще онъ былъ путеводною

звѣздою, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ опиралась сила петербургской имперіи. Ломоносовъ поминаетъ Петра въ каждой своей одѣ, и точно такъ же въ каждой одѣ онъ поминаетъ науки: то увѣряетъ, что для нихъ настало счастливое время, то указываетъ на широкое поприще для нихъ въ Россіи, то предается надеждамъ:

Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

И почему ему было не надѣяться? Онъ самъ сознавалъ въ себѣ полную силу, самъ стоялъ наряду съ величайшими учеными того времени, съ Вольфами и Эйлерами; онъ чувствовалъ себя столь большимъ, что считалъ себя выше цѣлой академіи нѣмецкихъ ученыхъ, учрежденной въ Петербургѣ, и полагалъ, что можно не его отставить отъ академіи, а развѣ академію отъ него...

Счастливыя времена! Не было и мысли о какомъ-нибудь разладѣ, не было и тѣни сомнѣнія въ томъ, что мы уже навсегда слились съ Европою, что скоро во всемъ совершится предсказаніе, данное полтавскою битвою, то-есть, что ученики побѣдятъ учителей.

За Ломоносовымъ слѣдуетъ Державинъ. И что же? Въ новомъ повѣѣ восторгъ не только не умаляется, а дѣлается живѣе, опредѣленнѣе, ярче. Попржнему по Руси несется звукъ оды, звукъ торжественной пѣсни, но въ этой пѣснѣ проступаютъ уже краски и образы; передъ нами уже обозначаются въ ней живыя лица: Екатерина, Потемкинъ. Это уже не простой хвалебный гулъ, это уже живая, теплая поэзія.

Для характеристики этого времени мы воспользуемся словами Хомякова, по нашему мнѣнію, всего яснѣе обозначающими глубину дѣла. Вотъ эта глубокая страница:

«Наступила другая эпоха. Жизнь общественная взяла свои права. Лучшій и высшій представитель поэзіи въ екатерининское время, Державинъ есть въ то же время общественный дѣятель въ полномъ смыслѣ слова. Правда, онъ не можетъ безъ восторга называть Фелицу; но Фе-

лица была предметомъ любви и восторга во всѣхъ краяхъ Россіи. Онъ сопровождаетъ побѣды нашего войска и наши завоеванія торжественными одами; но эти побѣды и завоеванія были истинною радостію для всѣхъ русскихъ. Измаильскій штурмъ, Очаковская зима, пожаръ Чесмы казались происшествіями не только политической жизни народа, но и частной жизни каждого русскаго: Румянцовы и Суворовы дѣлались именами нарицательными. И всѣмъ нашимъ славамъ былъ отзывъ въ полудивныхъ; но могучихъ стихахъ Державина (я называю ихъ полудивными, потому что онъ гораздо менѣ служитъ художеству, чѣмъ Ломоносовъ). Но Державинъ не льстецъ: его рѣзкое и смѣлое слово бьетъ и клеймитъ общественный порокъ, бьетъ и клеймитъ временщиковъ и болѣе всѣхъ полудержавнаго временщика, котораго, съ великодушіемъ и правдивостію поэта, онъ потомъ простилъ и увѣнчалъ, назвавъ его «великолѣпный князь Тавриды». Фонъ-Визинъ въ своихъ комедіяхъ борется съ общественными слабостями и пороками; слово гражданина постоянно слышится у Болтина. Наконецъ вся литература отъ Державина до Княжнина и Николаева, несмотря на свои формы, или вовсе необработанныя, или нелѣпо-академическія, носитъ на себѣ характеръ дѣятельности общественной. Въ ранней молодости, выросши подъ вліяніемъ другаго направленія, я часто слушалъ съ удивленіемъ рѣчи стариковъ, совершенно чуждыхъ литературнымъ интересамъ, о словесности прежнихъ годовъ. Я удивлялся ихъ почтенію къ именамъ, повидимому, вовсе недостойнымъ славы. Загадка разгадалась для меня позднѣе, когда я понялъ, что они жили во времена словесности дѣйствительно серьезной, дѣйствительно русской—во сколько тѣсное общество высшаго сословія можетъ считаться представителемъ всей русской жизни. Эту сторону екатерининской словесности мало оцѣнили. Самодовольная, самонадѣянная критика 30-хъ и 40-хъ годовъ, вооружась противъ художественной отвлеченности нашей словесности, обвинила ее цѣликомъ въ

академизмъ, и не замѣтила преобладающей стороны екатерининской эпохи. «Слона-то она и не замѣтила!» Впрочемъ, другого ждать нельзя было отъ этой односторонней и близорукой критики, которая, однакоже, въ свое время была не бесполезна» (Соч. Хомяк. Т. I, 682).

Таковы черты духовной жизни Екатерининскаго времени. Литература отличалась тогда художественною отвлеченностію и академизмомъ, а между тѣмъ находила отзывъ во всѣхъ краяхъ Россіи; писатели, повидимому — вовсе недостойные славы, были для всѣхъ русскихъ предметомъ почтенія и восторга. Было, слѣдовательно, какое-то очарованіе, которымъ жилъ тогда русскій народъ; было восторженное настроеніе, безмѣрно далеко отстоящее отъ нынѣшняго унынія и, очевидно, слишкомъ высокое и напряженное, чтобы удержаться на этой высотѣ. Разочарованіе было неминуемо; но оно наступило не вдругъ, ибо этотъ восторгъ не былъ мгновенною фальшивою вспышкою, а былъ органическимъ явленіемъ, тѣсно связаннымъ съ жизнію всего государства, всего народа. Прошли поколѣнія и пережиты были цѣлые литературные періоды, прежде чѣмъ мы дошли до всяческаго рода нигилизма и русская слава обратилась для насъ въ дымъ.

Интересно, что первый, кому довелось въ этомъ случаѣ отвѣдать разочарованія, былъ самъ Державинъ. Въ его «Запискахъ» есть необыкновенно добродушное мѣсто, въ которомъ онъ объясняетъ, какъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины (1795—1796) исчезъ у него его бывалый восторгъ. Вотъ это мѣсто:

«По желанію императрицы, чтобъ Державинъ продолжалъ писать въ честь ея болѣе въ родѣ Фелицы, хотя далъ онъ ей въ томъ свое слово; но не могъ онаго сдержать, по причинѣ разныхъ каверзъ, коими его безпрестанно раздражали; не могъ онъ воспламенить такъ своего духа, чтобы поддерживать свой высокій прѣжній идеалъ, когда вблизи увидѣлъ подлинникъ челоувѣческой съ великими слабостями; сколько разъ ни принимался, сидя по недѣлѣ для того запершись въ своемъ кабинетѣ,

но ничего не въ состояніи былъ такого сдѣлать, чѣмъ бы онъ былъ доволенъ. Все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, какъ у прочихъ цеховыхъ стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства» («Записки Держав.», стр. 379).

Какъ видно, прекрасно сознавалъ Державинъ, что прежнія его произведенія были не цеховыя, а внушенныя искреннимъ вдохновеніемъ, и живо чувствовалъ, что это вдохновеніе разсѣялось отъ столкновенія съ дѣйствительностію.

Но до полного сознанія дѣла было еще далеко. Къ этому времени, къ концу Державинскаго поприща, относятся и мнимое богатство нашей литературы, то время, когда она представила образцы во всѣхъ родахъ. У насъ появились эпическія поэмы, трагедіи, басни, идилліи и проч. и проч., и мы вдругъ оказались обладающими литературою въ полномъ составѣ.

Повидимому, все это совершалось подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Европы, все исходило изъ Петровскаго преобразования, все слѣдовало примѣру и образцамъ иностранныхъ писателей; а между тѣмъ, въ дѣйствительности тутъ была своеобразная жизнь, для которой европейскія формы были лишь внѣшнюю, несущественною оболочкою. Настоящее вліяніе Европы началось лишь со временъ Карамзина. Карамзинъ былъ первый русскій европеецъ. Что же онъ сдѣлалъ? Его выступленіе на литературное поприще Ап. Григорьевъ рассказываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Посреди общества, упорно отстаивавшаго свою исключительность и особенность — является юноша съ живымъ сочувствіемъ ко всему доброму, прекрасному и великому, что выработалось въ общечеловѣческой жизни. Этотъ юноша стоитъ въ уровнѣ со всѣми высокообразованными людьми тогдашней Европы, хотя и не понимаетъ еще удивительныхъ мыслителей Германіи, не смѣетъ еще вполне отдаться ей начинающимъ великимъ поэтамъ. Человѣкъ своей эпохи, человѣкъ французскаго образованія, онъ однако уже достаточно смѣлъ для того, чтобы съ весьма

малымъ количествомъ тогдашнихъ образованныхъ людей поклоняться пьяному диварю Шекспиру, достаточно прощителенъ, чтобы зйти поклониться творцу «Критики чистаго разума» и хоть о пустякахъ, да поговорить съ нимъ... На все, что носилось тогда въ воздухъ его эпохи, отозвался онъ съ сочувствіемъ, и главное-то дѣло, что сочувствіе это было сочувствіе живое, а не книжное... Въ Европу изъ далекой гиперборейской страны впервые пріѣхалъ европеецъ, и впервые же русскій европеецъ передалъ своей странѣ свои русско-европейскія ощущенія, передалъ не поучительнымъ, докторальнымъ тономъ, а языкомъ легкимъ, общепонятнымъ... Точка, съ которой передаетъ онъ ощущенія, дѣйствительно очень невысока; но за то она вѣрна, она общепонятна, какъ самый его языкъ».

«Письма русскаго путешественника, а затѣмъ сентиментальныя повѣсти и сентиментальныя же разсужденія Карамзина — перевернули нравственныя воззрѣнія общества, конечно той части его, которая была способна къ развитію. Понятно, что его дѣятельность возбудила сильный антагонизмъ во всемъ, что держалось крѣпко за старыя понятія, антагонизмъ отчасти правый, но вообще слѣпой».

Сентиментальность Карамзина и его требованія отъ русской жизни были совершенно тѣ же, какъ, на примѣръ, у Радищева. Какъ публицистъ и журналистъ, Карамзинъ проповѣдывалъ крайніе идеалы, до которыхъ достигла тогда европейская цивилизація. Но, если такъ, то какъ же онъ могъ стать русскимъ историкомъ? Какъ онъ могъ слить такія непримиримыя, вещи, какъ русская жизнь и крайнія требованія европейской цивилизаціи? Какимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы въ сравненіи съ этимъ идеаломъ отчаяться въ своемъ народѣ и прійти къ совершенному разрыву съ нимъ, онъ сталъ его бытописателемъ, отыскалъ въ себѣ сочувствіе къ его жизни? Тотъ же критикъ отвѣчаетъ на это такъ:

«Карамзинъ, какъ великій писатель, былъ вполнѣ русскій человѣкъ, человѣкъ своей почвы, своей страны. Сначала онъ приступилъ къ жизни, его окружавшей, съ требованіями высшаго идеала, идеала, выработаннаго жизнью остальнаго человѣчества. Идеалъ этотъ, конечно, оказался несостоятеленъ передъ дѣйствительностію, которая окружала великаго писателя... Въ этой дѣйствительности можно было или только погибнуть, какъ Радищевъ, какъ болѣе практической, чѣмъ Радищевъ, человѣкъ — Новиковъ, либо... не то чтобы ей подчиниться, но обмануть ее.

«Да... обмануть! Это настоящее слово.

«И Карамзинъ это сдѣлалъ. Онъ обманулъ современную ему дѣйствительность.

«Онъ сталъ «историкомъ Государства Россійскаго»; онъ можетъ быть сознательно, можетъ быть, нѣтъ — вопросъ трудный для разрѣшенія, ибо талантливый человѣкъ самъ себя способенъ обманывать — онъ подложилъ требованія западнаго человѣческаго идеала подъ данныя нашей исторіи, онъ первый взглянулъ на эту странную исторію подъ европейскимъ угломъ зрѣнія.

«Карамзинъ смотритъ на событія нашей исторіи точно такъ же, какъ современные ему западные писатели смотрятъ на событія исторіи западнаго міра, иногда даже глубже ихъ; это можно сказать безъ всякаго народнаго пристрастія, потому что современные ему западные историки весьма неглубоко смотрѣли на прошедшее... Въ этомъ его слабость и въ этомъ, если хотите, его сила, даже передъ современниками. Въ немъ еще нѣтъ той мысли, что мы племя особенное, предназначенное къ иному, нежели другія племена человѣчества. Общія его эпохъ идеи привноситъ онъ съ собою въ русскую исторію, и это самое дѣлаетъ его исторію, помимо ея недостатковъ, однимъ изъ вѣчныхъ памятниковъ нашего народнаго развитія...

«Можетъ быть, всѣ изысканія Карамзина неправильны или должны быть дополнены; но всѣ его сочувствія

въ высшей степени правильны, потому что они общечеловѣческія».

Итакъ, вотъ какъ совершился обманъ, котораго непрежнѣнно требовала жизнь, такъ-какъ она не можетъ развиваться среди полного разрыва, полной дисгармоніи. Обманъ состоялъ въ томъ, что просвѣтленные общечеловѣческими идеями русскіе люди находили въ своей жизни отраженіе этихъ идей, закрывая глаза на противорѣчія и диссонансы. Этотъ періодъ обмана продолжался долго, былъ обилень талантами и выражалъ свое настроеніе разнообразнѣйшими формами. Нѣмецкая Ленора безъ малѣйшей трудности обращалась въ русскую Людмилу или Свѣтлану; мы воспѣвали нашихъ чухонокъ такъ, что онѣ намъ казались

Гречанокъ Байрона милѣй.

Въ это время не могло существовать ни славянофиловъ, ни западниковъ; мы спокойно причисляли себя къ семьѣ западно-европейскихъ народовъ, и въ самой этой семьѣ не дѣлали никакихъ значительныхъ различій. Мы писали свою исторію точно такъ, какъ ее пишутъ европейскіе народы; мы искренно отзывались на всѣ звуки европейской поэзіи, сочувствовали Шиллеру, Байрону, и облекали нашу собственную дѣйствительность въ формы сочувственныхъ намъ явленій.

И вотъ наступилъ, наконецъ, выходъ изъ этого обмана, выходъ, который, рано или поздно, долженъ же былъ наступить. Выходъ получился мудреный и многозначительный, такъ-какъ это была развязка глубокаго жизненнаго развитія, а не простой логической ошибки. Въ одно и то же время выпало двойное рѣшеніе, положительное и отрицательное—въ одно и то же время явились Пушкинъ и Чаадаевъ.

Явился, наконецъ, поэтъ, который завершилъ все предъидущее трудное и странное развитіе, который вышелъ изъ неопредѣленнаго и призрачнаго восторга, нашедши въ своей душѣ ясный и существенный восторгъ,

который вышелъ изъ обманчиваго взгляда на нашу жизнь, нашедши истинно русскую поэзію и умѣя глядѣть поэтическими глазами на настоящую русскую дѣйствительность. Этотъ человекъ, столь сильно любившій истину и отвращавшійся отъ всякой фальши, столь зорко видѣвшій вещи, и въ то же время всегда и до конца остававшійся поэтомъ—былъ Пушкинъ. Его воспитаніе и развитіе, совершившееся въ періодъ обмана, подъ вліяніемъ всяческихъ европейскихъ образцовъ, отъ Вольтера до Байрона, способствовало только развитію въ немъ его поэтическаго дара, его зоркости и любви къ правдѣ, а истинно-русская зоркость и правдивость сдѣлали изъ него несравненнаго поэта, равнаго всему, что есть великаго въ поэтическомъ мірѣ. Онъ принесъ намъ чистѣйшую правду въ поэзіи, т. е. настоящую поэзію.

Но въ то же время получился другой выходъ, другое рѣшеніе. Умы болѣе холодные, болѣе теоретическіе шли своимъ, повидимому, весьма правильнымъ путемъ, и въ то самое время, когда Пушкинъ узаконивалъ поэзію на русской землѣ, эти умы пришли къ полному отрицанію русской жизни и несмотря на то, что уже существовала обманчивая исторія Карамзина, не усумнились вычеркнуть жизнь русскаго народа изъ исторіи всемірнаго развитія. Представителемъ такихъ умовъ былъ Чаадаевъ, пріятель Пушкина, хотя человекъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ. Въ сравненіи съ Европой Чаадаевъ призналъ ничтожною всю русскую жизнь, всѣ задатки и плоды нашего развитія, и напелъ, что для насъ единственное спасеніе — перевоспитать себя, принять все отъ Европы, до глубочайшихъ основъ духовной жизни. Это былъ первый послѣдовательный западникъ.

Чаадаевъ былъ то же въ отношеніи къ Пушкину, что Радищевъ въ отношеніи къ Державину. Какъ Радищевъ отнесся съ величайшимъ отрицаніемъ и уныніемъ къ дѣйствительности, вызвавшей столь громкій восторгъ Державина, такъ Чаадаевъ отнесся съ сомнѣніемъ и невѣріемъ къ той духовной жизни, которая уже породила поэзію

Пушкина. Эти люди, какъ легко убѣдиться, не были великими русскими писателями, а потому, по замѣчанію критика, объ нихъ нельзя съ несомнѣнною сказать, что они были вполне русскіе люди, какими были Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Пушкинъ. Но это нимало не мѣшаетъ признавать за ними общечеловѣческія достоинства и даже видѣть въ нихъ людей на столько русскихъ, что они, съ большей или меньшей болью и горечью, чувствовали свое положеніе передъ Европою, какъ русскихъ, и старались понять его правильно, на сколько бываетъ правильно отвлеченное пониманіе.

Радищевъ, впрочемъ, былъ явленіе слишкомъ слабое и неглубокое; онъ не былъ зрѣлымъ плодомъ своего времени и исчезъ безъ вліянія и послѣдствій. Но ко времени Чаадаева та же мысль развилась и окрѣпла, и Чаадаевъ былъ уже отголоскомъ значительной и лучшей части нашего общества. Съ этого времени у насъ постепенно развивались двѣ партіи, западническая и славянофильская: одна, требовавшая всецѣлаго подчиненія Европѣ, другая — стоявшая за нашу духовную самостоятельность.

Вотъ фундаментъ, на которомъ развивается наша литература, та почва, на которой она растетъ. Пушкинъ составляетъ звѣно, заключающее эту золотую цѣпь, вѣнецъ этого основнаго развитія; въ его стихахъ, какъ справедливо замѣтилъ Б. Аксаковъ, повторились звуки Ломоносовскихъ стиховъ, а въ элементахъ его поэзіи заключаются всѣ зачатки, которые съ тѣхъ поръ развиваются нашими художественными талантами.

Истинная поэзія чужда теорій, чужда отвлеченныхъ опредѣленій, такъ какъ источникъ ея есть жизнь, которая шире всякихъ теорій. Поэтому, напримѣръ, нашу художественную словесность со временъ Пушкина нельзя называть ни славянофильскою, ни западническою, ни даже выраженіемъ борьбы этихъ направленій. Западники имѣли у насъ большой перевѣсъ; они весьма настойчиво подводили наше развитіе подъ свою точку зрѣнія и проповѣдывали, что наши художники служатъ ихъ идеѣ и потолику и хо-

роши, поколику ей служатъ. Одинъ изъ такихъ проповѣдниковъ весьма немудрено опредѣлилъ всю суть нашей новой литературы, сказавши, что Тургеневъ изобличилъ помѣщиковъ, Островскій — купцовъ, а Некрасовъ — чиновниковъ. Славянофилы съ своей стороны подтверждали эти притязанія тѣмъ самымъ, что отрекались отъ новой литературы и признавали ея дѣятелей лишь въ видѣ исключенія, иногда дѣлавшагося очень неудачно. Это неясное, но во всякомъ случаѣ враждебное отношеніе необходимо должно было усиливать притязанія западниковъ на господство ихъ идей въ нашей изящной словесности.

Но и тѣ и другіе были одинаково неправы, и легко было бы показать множество промаховъ съ той и съ другой стороны, доказывающихъ, что художественная дѣятельность, какъ болѣе широкая въ основахъ, ускользаетъ отъ узкихъ рамокъ этихъ теорій.

Идея западничества не могла вполнѣ завладѣть художественною сферою, но она свободно развивалась въ другихъ сферахъ литературы, въ критикѣ, публицистикѣ, и наконецъ выродилась въ интереснѣйшее явленіе — въ нигилизмъ. Если хотите, нигилизмъ имѣетъ и свои художественныя отраженія, но по сущности дѣла въ нихъ мы находимъ одну чистую видимость, скрывающую отсутствіе всякаго искусства; ибо гдѣ нѣтъ жизни, тамъ не можетъ быть искусства.

Какъ бы то ни было, но наши современные западники суть нигилисты; это — наши европейцы, искренно, добросовѣстно дошедшіе до конца пути, имъ указаннаго и ими избраннаго, логически доведшіе свою идею до крайнихъ ея послѣдствій.

Результатъ получился странный и неожиданный, но въ сущности совершенно правильный. Западники начали съ поклоненія передъ Европой и кончили тѣмъ, что стали отрицать формы европейской жизни, ибо стали отрицать вообще всякія сложившіяся формы, всякую исторію. Это совершенно естественно. Они такъ наторѣли въ отрицаніи формъ русской жизни, довели свои приемы въ этомъ дѣлѣ

до такой остроты и тонкости, что потомъ и западная жизнь не могла устоять передъ этимъ изощреннымъ оружіемъ. Можно, впрочемъ, сказать иначе, и въ известномъ отношеніи правильнѣе: они довели свой взглядъ на русскую жизнь до такого непониманія, до такой тупости, что потомъ естественно перестали понимать и европейскую жизнь.

Чаадаевъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на православіе и преклонялся передъ величіемъ католицизма. Какая нелѣпость! Человѣкъ, благоговѣющій передъ католичествомъ, не впадаетъ ли въ явную нелѣпость, отрицая силу и жизненность православія? Не въ тысячу ли разъ послѣдовательнѣе тотъ, кто, отрицая православіе, въ то же время отрицаетъ католицизмъ?

Итакъ, тутъ есть своя логика, своя послѣдовательность, и нигилизмъ есть одна изъ неизбѣжныхъ степеней въ развитіи известныхъ сторонъ русской литературы.

Такимъ образомъ, мы достигли современнаго положенія дѣлъ. Болѣе чѣмъ когда-нибудь выяснились нынѣ элементы нашего развитія, болѣе чѣмъ когда-нибудь мы чувствуемъ его странную шаткость и противорѣчивую много-сложность. Сознаніе того, что нами еще мало сдѣлано, и что предлежитъ намъ какая-то трудная и огромная задача, становится яснѣе и яснѣе. Мы видѣли степени, черезъ которыя проходило это сознаніе и по этимъ степенямъ можемъ различать въ исторіи нашей литературы слѣдующіе періоды:

1) Періодъ восторга. Инстинктивное, неопредѣленное ощущеніе своей силы. Поверхностное или фальшивое знакомство съ Европою.

2) Періодъ обмана. Дѣйствительное знакомство съ Европою и обманчивое примиреніе нашей жизни съ ея идеями.

3) Пушкинъ. Эпоха, завершающая два предъидущіе періода. Въ одно время: поэтическое признаніе русской жизни и ея теоретическое отрицаніе.

4) Западники и славянофилы. Борьба между отрицаніемъ русской жизни и признаніемъ ея самостоятельности. Въ художествѣ: развитіе задатковъ, положенныхъ Пушкинымъ.

5) Нигилисты. Отрицаніе русской жизни вмѣстѣ съ отрицаніемъ европейской.

V. Нигилизмъ. Причины его происхожденія и силы.

Нигилизмъ есть явленіе нашей умственной жизни, представляющее великое множество безобразій. Всѣмъ извѣстны эти безобразія, они описаны въ повѣстяхъ и романахъ; каждый о нихъ рассказываетъ съ разными добавленіями и вариантами.

Поэтому первое невольное отношеніе, въ которое мы становимся къ нигилизму, есть высокоуміе. Мы обыкновенно смотримъ на него презрительно, смѣемся надъ нимъ какъ надъ дѣтскимъ неразуміемъ или возмужалымъ сумасбродствомъ.

Справедливо ли это? Справедливо ли судить о какомъ бы то ни было фактѣ умственной жизни по однимъ его безобразнымъ проявленіямъ? Самыя безобразія, чѣмъ чаще и обильнѣе они происходятъ — не свидѣтельствуютъ ли только о силѣ источника, изъ котораго они истекаютъ, не представляютъ ли очевидно крайностей, до которыхъ неизбѣжно должно вырождаться въ иныхъ послѣдователяхъ настроеніе, глубоко проникающее въ умы?

Бѣдна наша литература и скудно наше умственное развитіе; но всего прискорбнѣе то, что мы вѣчно, то съ той, то съ другой точки зрѣнія, плюемъ на эту литературу и на это развитіе. Русскій человѣкъ такъ или иначе всегда находитъ средство выскочить изъ своей литературы и изъ

своего развитія, стать если не выше ихъ, то въ сторонѣ отъ нихъ, и во всякомъ случаѣ относиться къ нимъ если не презрительно, то вполне равнодушно. Все это—явные признаки слабости нашей литературы и нѣкоторой уродливости нашего развитія, по которой оно никогда не достигаетъ полнаго и всеобщаго вліянія, не имѣетъ силы внушить къ себѣ уваженіе всѣмъ и каждому.

Пушкинъ написалъ, что Ломоносовъ имѣлъ вредное вліяніе на нашу словесность. Карамзина многіе почитали и почитаютъ также вреднымъ писателемъ за проповѣдь истинъ въ родѣ такой: «народы дикіе любятъ независимость, народы мудрые любятъ порядокъ» и пр., и вообще за весь тонъ его исторіи. Самъ Пушкинъ, соблазнъ и камень преткновенія для всякихъ теорій и просвѣщенныхъ взглядовъ, долженъ быть признанъ вреднѣйшимъ изъ русскихъ писателей, такъ-какъ, по выраженію одного критика, онъ поэтъ эротическій и военный, слѣдовательно мѣшающій развитію всякаго серьезнаго и какъ-бы сказать гражданскаго чувства. А что такое славянофилы въ глазахъ западниковъ? Немѣлые мечтатели. Что такое западники въ глазахъ славянофиловъ? Неосновательные болтуны.

И такъ далѣе.

Принимая все это въ соображеніе, имѣя въ виду общую неправильность въ развитіи нашей литературы, всегданнюю косвенность ея пути, и убѣдившись въ то же время, что ея явленія имѣютъ однакоже глубокой смыслъ, мало разумѣемый и обыкновенно пренебрегаемый, мы въ правѣ требовать серьезнаго отношенія и къ нигилизму, въ правѣ ожидать, что въ немъ обнаружатся какія-нибудь немаловажныя черты нашей духовной жизни и сдѣланы нѣкоторые шаги въ прогрессъ нашего самосознанія.

Прежде всего нигилизмъ есть нѣкоторое западничество. Онъ возникъ подъ вліяніемъ Запада, слѣдовательно подъ тѣмъ вліяніемъ, которое такъ давно и такъ сильно на насъ дѣйствовало и постоянно дѣйствуетъ. Напрасно у насъ нѣкоторые критики и публицисты, ради пушгаго уни-

женія нигилизма, увѣряють, что онъ есть наше доморощенное, туземное сумасбродство, что на Западѣ ничего подобнаго не существуетъ, а все идетъ чинно, стройно и благополучно. Совершенно ясно, что умственные явленія Запада дали точки опоры для развитія нашего нигилизма, явленія, давно тамъ зародившіяся, имѣющія силу и будущность, и потому составляющія постоянный источникъ, постоянную поддержку для нашего нигилистическаго движенія. Нигилизмъ, какого бы оттѣнка онъ ни былъ, всегда характеризуется великимъ уваженіемъ къ Западу, всегда имѣетъ тамъ какихъ нибудь божковъ и оракуловъ, можетъ быть, превратно понимаемыхъ, но отъ всего сердца поклоняемыхъ и славимыхъ. Это та сторона нигилизма, въ которой обнаруживается недостатокъ у насъ самостоятельнаго развитія—наше подчиненіе Западу.

Вовторыхъ, нигилизмъ есть не что иное, какъ крайнее западничество — западничество, послѣдовательно развившееся и дошедшее до конца. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ дѣйствительный, неизбѣжный прогрессъ, и напрасно нѣкоторые наши западники чураются нигилизма, утверждая, что и нынѣ, какъ встарь, можно питаться западными взглядами и идеями, нисколько не впадая въ нигилизмъ. Западъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи великъ и многообразенъ. Слѣдовательно, каждый можетъ въ немъ выбирать себѣ по вкусу, чему слѣдовать и подражать. На Западѣ много явленій отжившихъ, межумочныхъ, фальшивыхъ, но держащихся тамъ въ силу упорнаго консерватизма исторіи, консерватизма, свойственнаго исторической жизни, какъ вообще всякой жизни. Кто хочетъ, тотъ и теперь можетъ преклоняться передъ католицизмомъ, и такіе поклонники, какъ извѣстно, у насъ еще не перевелись. Кто хочетъ, можетъ и теперь слѣдовать электической философіи Кузена; онъ найдетъ для себя по этой философіи цѣлую литературу, до сихъ поръ процвѣтающую. Кто хочетъ, тотъ можетъ и теперь слѣдовать правой гегелевской школою и толковать принципъ:

«что дѣйствительно, то разумно» въ самомъ консервативномъ и ретроградномъ духѣ.

Но русская мысль не остановилась, и не могла остановиться на этихъ и подобныхъ умственныхъ настроеніяхъ. Внутреннее расположеніе, естественное сродство тянули ее въ другую сторону. Мы не жили исторической жизнью Запада, для насъ не могли быть дороги формы, въ которыхъ она воплощалась. Эта жизнь являлась намъ издали, въ общемъ своемъ движеніи, въ крупныхъ и общихъ чертахъ, и слѣдовательно, по естественному ходу дѣла мы становились въ отношеніи къ ней въ роль судей и созерцателей; мы были чужіе для нея и смотрѣли на нее со стороны. Слѣдовательно, насъ долженъ былъ всегда привлекать нѣкоторый общій смыслъ этой жизни, а никакъ не частныя ея проявленія.

Глядя на Западъ, мы, если преклонялись передъ его духовною жизнью, то должны были послѣдовательно отрицать всю русскую жизнь, весь ея смыслъ. Такъ поступилъ Чаадаевъ, и не нужно забывать, что это естественная, необходимая точка зрѣнія. Полное признаніе съ одной стороны требовало полного отрицанія съ другой. Отсюда уже можно было предвидѣть, что это признаніе, покупаемое такою дорогою цѣною, не можетъ долго держаться, и что если оно перейдетъ въ сомнѣніе, то не остановится на половинѣ, а должно дойти до такого же полного отрицанія.

Всматриваясь въ общій смыслъ западной жизни, мы не могли не замѣтить той печати разрушенія, которая лежитъ на ней, тѣхъ усилій отрицанія, которыя разъѣдаютъ ея формы. Въ нашемъ положеніи мы не могли быть слѣпыми для этихъ явленій, и отрицаніе, развившееся на самой почвѣ этой жизни, должно было привлечь наше полное сочувствіе, такъ-какъ мы у себя дома были также отрицателями. Человѣкъ, скептически относившійся къ православію, по сущности дѣла не могъ питать прочнаго благоговѣнія къ католицизму. Такъ и во всемъ остальномъ. Западъ самъ училъ насъ, что его формы проходя-

ція, что все подчинено теченію, измѣненію, прогрессу; и мы, столь жаждавшіе измѣненій у себя дома, жадно примкнули къ этому ученію. Мы повѣрили всею душою теоріи прогресса, которая утверждала, что рано или поздно не останется въ старой Европѣ камня на камнѣ; мы не захотѣли исповѣдывать то, что должно было скоро отжить и разрушиться, а прямо примкнули къ новому, къ будущему, къ надеждамъ и порываніямъ впередъ.

Въ Европѣ, какъ извѣстно, есть рядъ писателей и дѣятелей, которые отвергаютъ всѣ принципы, служившіе основою ея жизни. Въ Европѣ развилась критика, постепенно распространившая свою дѣятельность на всѣ сферы, на всѣ явленія тамошней жизни. Мы быстро и вѣрно усвоили себѣ всѣ приемы этой критики, такъ-какъ именно она представляла наибольшее средство съ нашимъ умственнымъ настроеніемъ. Нельзя удивляться тому, что, напримѣръ, со временъ Чаадаева число поклонниковъ католицизма ни мало не возрасло у насъ, что, напротивъ, число послѣдователей дѣвой гегелевской школы, Прудона, Фурье и т. д., становилось все больше и больше. Печальный, всеотрицающій взглядъ на человѣческія отношенія былъ намъ больше по вкусу, чѣмъ какіе-нибудь восторги передъ явленіями намъ чуждыми и немогими вполнѣ удовлетворить нашихъ требованій.

Собственно мы требовали отъ Европы полного нравственнаго мѣрила, полного всеразрѣшающаго взгляда, совершенно твердаго руководящаго начала; а ничего подобнаго Европа намъ дать не могла. Мы оказались въ положеніи учениковъ, которые сперва твердо вѣровали въ своихъ учителей, но мало-по-малу разочаровывались въ нихъ и убѣдились, что ждать отъ нихъ намъ нечего.

Положеніе по сущности дѣла безотрадное; это полный мракъ, безвыходное отчаяніе. Между тѣмъ, какъ Европа такъ или иначе жила своими старыми началами, мы уже не могли на нихъ остановиться и успокоиться, и остались безъ всякихъ началъ, въ непроницаемомъ мракѣ. Сознаніе такого отчаяннаго положенія выразилось у насъ съ боль-

шую силою. Сюда именно относится дѣятельность Герцена раньше изданія «Колокола». Остроумная и глубоко-грустная книжка «Съ того берега» выражаетъ какъ нельзя лучше положеніе русскаго, оторвавшагося отъ Россіи и вполнѣ убѣдившагося, что онъ не можетъ прижннуть къ Европѣ, что жизнь Запада не можетъ его привязывать къ себѣ, не даетъ никакой пищи его душѣ. Герценъ пророчитъ гибель западной цивилизаціи; это нашъ первый отчаявшійся западникъ.

Отсюда, казалось бы, прямой переходъ къ признанію своей народности, къ преклоненію передъ ея началами. Но жизнь идетъ медленно, и наши блужданія потому-то и имѣютъ такую длинную и грустную исторію, что вызваны нашими жизненными условіями, а не составляютъ простыхъ теоретическихъ ошибокъ.

Многихъ удивляло, что нигилизмъ у насъ распространился и усилился тогда, когда въ Европѣ были нанесены жестокіе и почти уничтожительные удары социализму и всяческому радикализму. Но въ томъ-то и дѣло, что нигилизмъ нельзя разсматривать, какъ простое отраженіе на насъ Запада, а слѣдуетъ видѣть въ немъ чисто-русское явленіе, возникшее только подъ вліяніемъ западныхъ явленій. Было бы очень плачевно, еслибы наши умы представляли лишь простую косную массу, въ которой каждое движеніе пропорціонально толчкамъ, получаемымъ извнѣ. Ради униженія нигилизма многіе трактовали его, какъ такое явленіе косности нашей умственной жизни. Нигилизмъ часто причисляется къ недовареннымъ объѣдкамъ чужихъ мыслей; одинъ нашъ знаменитый писатель видитъ въ немъ изношенный башмакъ Фурье, который мы съ благоговѣніемъ пронесли на своей головѣ.

Фурье! Этотъ писатель, сравнительно говоря, почти неизвѣстенъ въ Россіи; большинство приверженцевъ нигилизма, конечно, съ изумленіемъ должно узнать, что собственно онъ есть тайное божество, которому въ сокровеннѣйшемъ святилищѣ поклонялись главнѣйшіе адепты на-

гизма. Поэтому, именно Фурье служитъ лучшимъ доказательствомъ, что если для нигилизма необходимъ какой-нибудь идолъ, то однакоже свойства самого идола тутъ ничего не значатъ и исповѣдываніе вѣры отъ него почти не зависитъ. Ученія, признаваемые поклонниками, создаются ими самими, и они готовы потомъ удивляться, если имъ докажутъ, что того или другого изъ этихъ ученыхъ не признавали ихъ идолы.

Нигилизмъ есть отрицаніе всякихъ сложившихся формъ жизни, отрицаніе, которое мы, въ силу особеннаго нашего развитія, заимствовали изъ Европы преимущественно передъ многими другими, и которое, въ силу тѣхъ же особенностей развитія, стало у насъ хроническимъ.

Какъ мысль, органически привившаяся, нигилизмъ органически и развивается, изнутри, собственной силою, не требуя сторонняго руководства и поддержки, а нуждаясь только въ пищѣ, которую онъ уже способенъ претворить въ свою плоть.

Этою пищею можетъ служить и Фурье, но могутъ служить и преимущественно служатъ другіе писатели, часто, по видимому, совершенно чуждые духу нигилизма. Невозможно не удивляться той чуткости, которую нигилизмъ обнаруживаетъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ къ западнымъ писателямъ; онъ всегда вѣрно угадываетъ тѣ книги, въ которыхъ есть для него питательные соки. Такъ, между прочимъ, сочувствіемъ нигилизма пользуются англійскіе мыслители за свой скептицизмъ и эмпиризмъ, хотя въ другихъ отношеніяхъ они безконечно далеки отъ дерзостей нигилизма. Многие упрекали нигилизмъ за эти и подобныя противорѣчія, упуская изъ виду, что такимъ образомъ они нападаютъ на организующую силу этого настроенія.

Нигилизмъ есть прежде всего и главнѣе всего — отрицаніе; это его основная и здоровая, правильная черта: Все, что можетъ служить опорой для отрицанія, все, что даетъ отрицанію разумность и право, все идетъ въ прокъ нигилизму, составляетъ его законную пищу, законный

источникъ. Русская жизнь, которую въ сущности дѣла вызываетъ это отрицаніе, вызываетъ его съ двухъ сторонъ. Слабость нашего духовнаго развитія, неясность, неформулированность его глубокихъ основъ, внушаютъ смѣлость отрицать эти основы, отвергать ихъ состоятельность въ силу тѣхъ требованій и задачъ, съ которыми мы, по видимому, имѣемъ полное право приступать къ нимъ. Съ другой стороны, безобразія, которыми преисполнена русская жизнь, составляютъ еще болѣе распространенную и общедоступную пищу отрицанія. Можно сказать утвердительно, что каждое безобразіе, творимое нынѣ на русской землѣ, имѣетъ своимъ непосредственнымъ слѣдствиемъ, между прочимъ, и усиленіе нигилизма, отражается въ его пропорціональномъ наращеніи.

Эта здоровая сторона нигилизма никогда не должна быть упускаема изъ виду. Скептицизмъ, недовѣріе, отсутствіе наивности, насмѣшливость, бездѣтельная, но умная лѣнность, — всѣ эти черты русскаго характера находятъ здѣсь себѣ исходъ.

Но тутъ же обнаружались и другія, болѣе плачевныя черты; въ русской натурѣ есть задатокъ глубокаго цинизма, составляющаго какъ-бы противовѣсъ чистому и высокому энтузіазму, тоже несомнѣнно тающему въ русскихъ душахъ. Совершенно ясно, что въ русскомъ характерѣ лежатъ какія-то непримиренныя требованія, какія-то одно другому противорѣчащія стремленія. Трудно намъ проникнуться къ чему либо пламеннымъ восторгомъ, и идивитая струйка сѣвернаго холода готова примѣшаться къ каждому нашему увлеченію.

Холодность, доходящая до цинизма, до отрицанія всѣхъ теплыхъ и живыхъ движеній души человѣческой, составляетъ ту почву, на которой удобно укрѣпились и разрослись извѣстныя ученія нигилизма. Непониманіе искусства составляетъ здѣсь явленіе, параллельное глубокому непониманію жизни. Цѣлые ряды человѣческихъ чувствъ и отношеній занесены нигилизмомъ въ разрядъ фальшивыхъ явленій: вся индивидуализирующая, фигурная, цвѣтная сторона

жизни подвергается отрицанію. Весьма замѣчательно, что съ понятіемъ такой обезцвѣченной и обезличенной жизни у насъ сочетался нѣкоторый эвдемонизмъ, дѣтское представленіе, будто жизнь, лишенная своей формующей силы, немѣющая никакихъ центровъ тяжести, чуждая всякихъ красокъ и всякой перспективы, будетъ легче, спокойнѣе, радостнѣе.

Эти блѣдныя фантазіи, можетъ быть, составляютъ только доказательство того, какъ блѣдна, какъ мало имѣетъ нормальнаго содержанія дѣйствительная жизнь, среди которой онѣ возникаютъ. Вообще, въ цѣломъ нигилизмъ представляетъ въ себѣ много молодого, такъ-какъ молодость предполагаетъ незнакомство съ жизнью. Въ нигилизмѣ отразилось то, что мы еще чужды настоящей жизни, политической, общественной, научной, художественной и проч.

Итакъ, нельзя не видѣть, что нигилизмъ хотя развился подъ вліяніемъ Запада, но главныя свои условія нашелъ въ особенностяхъ нашего внутренняго развитія. Самая лучшая и самая важная его сторона есть попытка освобожденія ума отъ тѣхъ узъ, которыя тяготѣютъ надъ русскимъ человѣкомъ. Очень смѣшны всѣ эти господа, рѣшающіе нынѣ всяческіе вопросы собственнымъ умомъ; весьма нелѣпы рѣшенія, къ которымъ они приходятъ; но самый принципъ, порождающій эти дикія попытки, нисколько не смѣшонъ и не нелѣпъ. Жизнь требуетъ какого-нибудь выхода. Ужели можно было ждать чего-нибудь нормальнаго и красиваго отъ людей, разорвавшихъ связь со своею исторіею и народностію? Подчиненіе чужой исторіи, чужой духовной жизни, какъ, напримѣръ, сдѣлалъ Чаадаевъ, не есть выходъ, а только продолженіе той же нелѣпости, того же разрыва. Волей-неволей приходилось равно оттолкнуть отъ себя и ту и другую сторону, остаться на воздухѣ, между небомъ и землею, и мечтать о переселеніи на луну, или, по крайней мѣрѣ, на необитаемый островъ, гдѣ бы можно было завести новое человѣчество.

Положеніе дикое, но неизбѣжно требуемое ходомъ дѣла и представляющее шагъ впередъ въ нашемъ мудреномъ развитіи.

VI. Нѣчто о Пушкинѣ, главномъ сокровищѣ нашей литературы.

Бѣдна наша литература, но у насъ есть Пушкинъ.

Пока будетъ существовать русскій народъ и русскій языкъ, и даже болѣе — пока «живъ будетъ хоть одинъ пѣтъ», пока для людей будетъ существовать поэзія, до тѣхъ поръ будутъ говорить о Пушкинѣ, до тѣхъ поръ люди будутъ погружаться въ созерцаніе этого удивительнаго свѣтила, услаждать и просвѣтлять свою душу его чистыми лучами, его безупречно яснымъ сіяніемъ.

Есть нѣчто безумное (скажемъ высокимъ слогомъ, что бы не употреблять другихъ словъ, можетъ быть болѣе точныхъ и справедливыхъ; но не гармонирующихъ съ важностію предмета, о которомъ мы заговорили), есть нѣчто поразительно-безумное во многихъ сужденіяхъ и толкованіяхъ, которымъ подвергался Пушкинъ въ нашей — какъ бы сказать? — дѣйствовавшей литературѣ, той части литературы, которая, исполнившись непобѣдимой вѣры въ свои силы и свое призваніе, принялась все рѣшать вновь, взяла на себя установить надлежащій взглядъ на всѣ вещи въ мірѣ, а между прочимъ и на русскую литературу. Не всегда слѣдуетъ быть строгимъ къ сужденіямъ людей; мы даже впадемъ въ смѣшное, если слишкомъ усердно будемъ гоняться за несостоятельностью этихъ сужденій. Гораздо полезнѣе и правильнѣе искать въ каждомъ сужденіи истинныхъ его поводовъ, и слѣдовательно, правдивой его стороны. Человѣкъ даже мало развитый и проницательный, если судить искренно и добросовѣстно, все-таки касается какой-нибудь дѣйствительной черты обсуждаемаго предмета, такъ что при надлежащемъ вниманіи можно дать его сужденію совершенно здравое истолко-

ваніе. Но разбирая сужденія о Пушкинѣ, о которыхъ мы завели рѣчь, почти нѣтъ возможности стать даже и на такую точку зрѣнія.

Прежде всего, здѣсь васъ поражаетъ безмѣрная диспропорція между предметомъ этихъ сужденій и силами и приемами судящихъ. Съ одной стороны вы видите явленіе громадное, глубокое, ширящееся въ безконечность, явленіе, въ которомъ отзывается вѣчная красота души человѣческой, воплощаются ея безпредѣльные стремленія; съ другой стороны вы видите людей съ микроскопически-узкими и слѣпыми взглядами, съ невѣроятно короткими мѣрками и циркулями, предназначаемыми для измѣренія и оцѣнки великаго явленія. Эти люди очевидно лишены всякихъ средствъ справиться съ задачею, которую они себѣ предлагаютъ. И вотъ почему ихъ усилія, дерзкія, самодовольныя, а въ дѣйствительности невозможныя и нелѣпыя, производятъ впечатлѣніе безумія.

Въ нашъ много-умный вѣкъ непониманіе великаго часто также идетъ за признакъ ума; между тѣмъ, въ сущности, не составляетъ ли это непониманіе самаго разительнаго доказательства умственной слабости?

Изъ всѣхъ явленій русской жизни, Пушкинъ всего настоятельнѣе требуетъ такого отношенія къ себѣ, какого требуетъ вообще поэтъ, искусство, красота, т. е. прежде всего—созерцанія. Полемизировать съ Пушкинымъ, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ нашихъ новѣйшихъ критиковъ—есть великая нелѣпость; больше, чѣмъ кого-нибудь, Пушкина слѣдуетъ изучать, и тотъ отнесется къ нему всего правильнѣе, кто всѣхъ больше извлечетъ изъ него поученія, кто всѣхъ больше найдетъ въ немъ откровеній, указаній на глубокой и сокровенный смыслъ явленій души человѣческой вообще и русской души въ особенности.

Такъ-какъ все у насъ забывается, все быстро изглаживается изъ памяти, такъ-какъ умы наши, слишкомъ подавленные многоразличными заботами, слишкомъ развлеченные постоянно надвигающимися, въ различныхъ видахъ и формахъ возобновляющимися задачами, рѣдко поль-

зуются тѣмъ состояніемъ спокойствія, которое необходимо для остановки на прошломъ и правильной его оцѣнки, то мы считаемъ нелишнимъ указать здѣсь нѣкоторыя черты историческаго и вѣковѣчнаго значенія Пушкина.

Мы вообще мало вѣримъ въ себя и до сихъ поръ принуждены отдавать себѣ отчетъ въ своихъ силахъ; даже столь яркое явленіе, какъ Пушкинъ, не составляетъ для насъ твердой точки опоры; такъ, сомнѣваясь въ своемъ духовномъ значеніи для нашихъ братьевъ славянъ, мы сдѣлали предположеніе, что, можетъ быть, они превзойдутъ насъ въ поэзіи, и что тогда, можетъ быть, «стихи Пушкина вмѣстѣ съ его прозой нами же самими будутъ отнесены въ разрядъ ученическихъ попытокъ, недостижныхъ умѣнья владѣть вполне образованной рѣчью!»

Превзойти Пушкина! Отодвинуть его произведенія въ разрядъ ученическихъ попытокъ! Подобная вѣра въ быстроту и силу человѣческаго прогресса, подобный нигилизмъ въ отношеніи къ драгоцѣннѣйшимъ произведеніямъ нашей литературы, едва-ли однакожь многихъ поразитъ изумленіемъ въ надлежащей степени. Такова у насъ слабость сознанія нашей духовной жизни, такова шаткость во взглядахъ на нее. Немногіе чувствуютъ, а еще менѣе знаютъ, что Пушкина отодвигать некуда, что затмѣвать его невозможно, что самыя эти выраженія, взятыя изъ ходячихъ формулъ прогресса, непристойны въ сужденіяхъ о предметахъ этого рода. Викторъ Гюго въ своей книгѣ о Шекспирѣ утверждаетъ, что великіе поэты должны быть признаваемы равными между собою. Хотя это все-таки формула, но она несравненно ближе къ истинѣ, чѣмъ размѣщеніе поэтовъ по нѣкоторой лѣствицѣ превосходства и преемственной послѣдовательности.

Но немногіе у насъ признають, что Пушкинъ великій поэтъ, что для оцѣнки его необходимо подниматься на эти возвышенныя точки зрѣнія. Возьмемъ сперва виѣшнюю сторону. Мы, повидимому, еще не считаемъ свой литературный языкъ вполне готовымъ орудіемъ для воплощенія высокыхъ созданій духа. Если можно было сдѣлать пред-

положеніе, что стихи и проза Пушкина не достигаютъ полнаго умѣнья владѣть образованной рѣчью, то, значить, подобнаго умѣнья вообще еще не достигла русская литература.

Эта мысль не только возможна, но многіе весьма искренно ее исповѣдуютъ. Въ языкѣ у насъ, по видимому, существуетъ значительная разногласица, и разныя попытки обновить языкъ, внести въ него ту или другую струю, какъ будто доказываютъ, что нашъ литературный языкъ еще не установился. Подобное мнѣніе намъ кажется весьма неправильнымъ. Ту свободу, которою пользуются наши писатели въ отношеніи къ языку и которая доказываетъ полную зрѣлость этого языка, они все еще, по старой привычкѣ, принимаютъ за признакъ несовершенства языка, за признакъ его неустановленности.

Приведемъ здѣсь слова одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ филологовъ, весьма опредѣленно указывающія на состояніе нашего литературнаго языка и на значеніе Пушкина въ этомъ языкѣ. Вотъ что было сказано лѣтъ двѣнадцать назадъ:

«Въ поэтическомъ словѣ Пушкина пришли къ окончательному равновѣсію всѣ стихіи русской рѣчи».

«Изящество рѣчи Пушкина вышло не изъ хаоса. Хаосъ прекратился до него, и уже до него возникъ стройный и правильный порядокъ. Но въ дѣятельности нашего поэта окончилось развитіе этого порядка; въ ней, наконецъ, успокоился внутренній трудъ образованія языка; въ Пушкинѣ творческая мысль заключила рядъ своихъ завоеваній въ этой области, раздѣлалась съ нею, и освободилась для новыхъ задачъ, для иной дѣятельности. Настоящій русскій языкъ есть уже языкъ совершенно создавшійся, принявшій всѣ впечатлѣнія образующей силы и дающій полную возможность для всякаго умественнаго развитія».

«Русскій языкъ, слава Богу! окончательно образовался и не нуждается ни въ какихъ блюстителяхъ. Писатели, которые въ настоящее время грѣшатъ противъ духа и законовъ языка, вредятъ только своей мысли: языку же вре-

дить отнюдь не могутъ и заботы о немъ совершенно излишни».

«Геніемъ Пушкина завершѣнъ рядъ славныхъ усилій, которыя дали русскому слову силу всемірную, силу служить прекраснымъ орудіемъ духу жизни и развитія».

«Первый и главный признакъ полнаго равновѣсія, въ какое поэзія Пушкина привела всѣ стихіи русской рѣчи. видимъ мы въ совершенной свободѣ ея движеній».

«У Пушкина впервые легко и непринужденно сошлись въ одну рѣчь и церковно-славянская форма, и народное реченіе, и реченіе этимологически чуждое, но усвоенное мыслью, какъ ея собственное, ни одному языку исключительно не принадлежащее и всѣми языками равно признанное выраженіе» («Русск. Вѣстн.», 1856, кн. 2).

Исторія нашей литературы послѣ Пушкина какъ нельзя лучше подтверждаетъ эти положенія. Никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло въ нашемъ языкѣ; нельзя указать въ немъ никакого новаго періода, хотя бы слабо отличающагося отъ предъидущаго. Последняя повѣсть Тургенева писана вполне пушкинскимъ языкомъ; а всяческія отступленія и новаторства, нынче очень обыкновенныя въ литературѣ, суть очевидно только колебанія въ предѣлахъ той же мѣры, той же основной гармоніи, которая найдена Пушкинымъ. Нынѣ очень часто пишутъ и переводятъ языкомъ, напоминающимъ до-карамзинское время; другіе, избѣгая этой мертвенной книжности, до того переполняютъ рѣчь изысканно русскими оборотами и словами, что ихъ читать невозможно (Кохановская, Бицынъ). И то и другое составляетъ умышленное или неумышленное нарушеніе надлежащей мѣры нашего литературнаго языка, мѣры не предполагаемой, не составляющей нѣкотораго достижимаго будущаго, а уже существующей, уже указанной ясными чертами въ произведеніяхъ Пушкина.

Обратимся теперь къ внутреннему значенію Пушкина. Оно вполне соответствуетъ его значенію въ исторіи нашего языка. Мы приведемъ здѣсь свидѣтельство одного знаменитаго нѣмецкаго критика, Варнгагена фон-Энзе:

Сужденія этого критика въ этомъ случаѣ тысячекратно основательнѣе, чѣмъ нашихъ отечественныхъ мыслителей (за исключеніемъ одного, о которомъ современемъ мы скажемъ подробно и ясно, какъ всегда слѣдуетъ говорить для нашихъ читателей) *). Но кромѣ того сужденія этого нѣмца отличаются такой очевидной искренностію, такимъ избыткомъ глубокаго и самостоятельнаго убѣжденія, что болѣе всякихъ другихъ способны поразить разумющаго читателя.

Варнгагенъ фон-Энзе говоритъ, что въ Пушкинѣ явилась на свѣтъ русская поэзія, которой до тѣхъ поръ не существовало. «Мы можемъ видѣть на себѣ — прибавляетъ онъ—какъ долго можетъ замедлиться развитіе этого цвѣтка, при роскошномъ процвѣтаніи другихъ сторонъ народной жизни: наша поэзія со вчерашняго дня; до Гёте и Шиллера нѣмцы не имѣли поэта—выразителя ихъ совокупнаго образованія во всей его цѣлости».

Что для нѣмцевъ Гёте и Шиллеръ, то для насъ Пушкинъ; то-есть, во первыхъ, онъ поэтъ въ высшемъ смыслѣ слова; онъ, по выраженію Виктора Гюго, принадлежитъ къ сонму «равныхъ», а во вторыхъ, по этому самому онъ «поэтъ оригинальный, поэтъ самобытный». На этомъ второмъ положеніи критикъ останавливается съ особенной настойчивостію, какъ на весьма существенномъ, тѣмъ болѣе, что, по его словамъ, «русскіе сами, по скромности или осторожности, нерѣдко называютъ Пушкина подражателемъ», и онъ находитъ, что «они уже слишкомъ далеко простирали эту скромность или эту осторожность».

Критикъ постарался вслѣдствіе этого характеризовать особенность пушкинской поэзіи, и вотъ эту-то характеристику, составляющую лучшее и центральное мѣсто статьи, мы и напомнимъ читателямъ. Сопоставляя Пушкина съ Байрономъ и Шиллеромъ, Варнгагенъ фон-Энзе говоритъ:

«Въ немъ та же противоположность и раздоръ мечты съ дѣйствительностію, та же тоска, то же полное сомнѣніи уныніе, та же печаль по утраченномъ и грусть по недо-

*) Аполлона Григорьева.

стижимомъ счастья, та же разорванность и величественная, великодушная преданность — всё эти качества, особенно преобладающія въ Байронѣ. Но главное, существенное свойство Пушкина, отличающее его отъ нихъ, состоитъ въ томъ, что онъ живымъ образомъ слилъ всё исчисленные нами качества съ ихъ рѣшительной противоположностію, именно — съ свѣжею духовною гармоніею, которая, какъ яркое сіяніе солнца, просвѣчиваетъ сквозь его поэзію и всегда, при самыхъ мрачныхъ ощущеніяхъ, при самомъ страшномъ отчаяніи, подаетъ утѣшеніе и надежду. Въ гармоніи, въ этомъ направленіи къ мощному и дѣйствительному, укрѣпляющему сердце, вселяющему мужество въ духъ, мы можемъ сравнить его съ Гёте. Истинная поэзія есть радость и утѣшеніе, и для того, чтобы быть этимъ, она нисходитъ до всѣхъ страданій и горестей. Укрѣпляющую, живительную силу Пушкина испытаетъ на себѣ всякій, кто будетъ читать его созданія. Его геній столь же способенъ къ комическому и шутливому, сколько къ трагическому и патетическому; особенно же склоненъ онъ къ ироническому, которое часто переходитъ у него въ юморъ; въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Свѣтлая гармонія, бодрое мужество составляютъ основу его поэзіи, основу, по которой всё другія его свойства пробѣгаютъ, какъ тѣни, или лучше, какъ оттѣнки. Его характеру вполне равновѣсно его выраженіе: вездѣ быстрая краткость, вездѣ свѣжій, совершенно-самостоятельный, сосредоточенный образъ, яркая молнія духа, рѣзкій оборотъ. Мало поэтовъ, которые были бы такъ чужды, какъ Пушкинъ, всего изысканнаго, растянутаго, всякаго сон амоге набираемаго хлама. Его естественность, довольствующаяся самымъ простымъ словомъ, быстро схватывающая каждый предметъ; его могучее воображеніе, полное согрѣвающей теплоты и величія; его то кроткое, то горькое остроуміе — все соединяется для того, чтобы произвести самое гармоническое, самое благотворное впечатлѣніе въ духъ непре-

рывно-занятого и непрерывно-свободного, ни минуты не мучимаго читателя».

Вотъ страница, которая, можно предполагать, навсегда свяжетъ имя нѣмецкаго критика съ именемъ нашего великаго поэта. Каждый, кто знакомъ съ Пушкинымъ, даже не глубоко, согласится, что черты этой яркой характеристики вполнѣ идутъ къ прекрасному образу пушкинской поэзіи. Замѣтимъ поразительное обстоятельство. Изъ словъ Варнгагена фон-Энзе ясно видно, что и по духу и по формѣ, эта поэзія всего ближе подходитъ къ идеалу истинной поэзіи, что въ немъ самый чистый (наиболѣе гармоническій) духъ воплотился въ самой чистой формѣ. И таково дѣйствительно значеніе Пушкина для всякаго, кто успѣлъ понять и полюбить его. Какъ бы ни были величавы и многозначительны произведенія другихъ поэтовъ, Пушкинъ для каждаго понимающаго есть поэтъ несравненный, такъ-сказать, самый поэтичный изъ поэтовъ.

Замѣтимъ еще также, что въ Пушкинѣ, какъ въ величайшемъ представителѣ нашей литературы, отразились всѣ черты, характеризующія нашу литературу. Способность Пушкина къ шутливому и ироническому, способность, очевидно, поразившая Варнгагена фон-Энзе въ такомъ возвышенномъ и нѣжномъ поэтѣ, есть общая особенность, общая сильная струна нашей литературы, столь нетерпящей ничего прѣснаго, и столь любящей лить слезы сквозь видимый міру смѣхъ. Точно такъ быстрая краткость выраженія, свѣжесть образовъ, естественность, довольствующаяся самыми простыми словами, всѣ эти качества до сихъ поръ составляютъ замѣтное и сознательно-цѣнное достоинство нашихъ писателей. Даже самые маленькіе изъ нихъ не любятъ ничего изысканнаго, растянутаго, никакого сор ашого набирасмаго хлама. Вслѣдствіе этого общаго свойства, наша литература вообще отличается малымъ объемомъ, быстрою краткостію своихъ произведеній и періодовъ. Содержаніе ея гораздо глубже и значительнѣе, чѣмъ можно

подумать судя по ея малому объему, по ея скупости на форму, на выраженіе.

Но обратимся къ Пушкину. Ему не чуждо было сознание своего величія. Этому простому человѣку (одному изъ простѣйшихъ, какіе были въ мірѣ, по замѣчанію нѣкотораго критика), добродушно признававшему себя орудіемъ какой-то высшей силы, должно быть иногда странно было чувствовать себя такъ высоко. По временамъ, однакоже, онъ ощущалъ въ себѣ такую могучую увѣренность, такъ свободно носились его крылья по чистой эфирной области, которой онъ былъ жителемъ, что душа его наполнялась гордой радостію, и онъ невольно бросалъ съ своихъ высотъ на другіе умы взглядъ, такъ-сказать, играющій высококомѣриемъ.

Въ одно изъ такихъ временъ добродушный Пушкинъ написалъ двѣ пародіи, именно «Лѣтопись села Горохина», пародію на «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина, и такъ-называемыя второе и третіе «Подражанія Данту», составляющія пародію на «Адъ Божественной Комедіи» Данта. Сколько помнится, никогда не было указано на такое значеніе этихъ произведеній; между тѣмъ оно несомнѣнно, и мы указываемъ на него, какъ на свидѣтельство тѣхъ проблесковъ сознанія своего величія, которые въ этомъ случаѣ, то-есть у Пушкина, доказываютъ самое величіе.

Но скажемъ прежде нѣсколько словъ о томъ, что такое пародія. Читатели, привыкшіе къ современнымъ ходячимъ пародіямъ, пожалуй, видятъ въ нихъ что-то не совсемъ хорошее, и готовы будутъ найти, что мы не дѣлаемъ чести Пушкину, приписавъ ему охоту упражняться въ этомъ родѣ поэзіи. Пародія составляетъ нынче большею частію безтолковое глумленіе надъ пародируемымъ произведеніемъ, состоящее въ безцеремонномъ искаженіи его смысла, тона и духа. Это дѣло легкое и бесплодное, въ которомъ талантъ замѣняется грязнымъ воображеніемъ, одѣвающимъ въ пошлость все, что ни видитъ передъ собою.

Не такова настоящая, поэтическая пародія. Она требуетъ глубокаго и строгаго проникновенія въ духъ и манеру писателя, который пародируется. Чѣмъ ближе пародія къ подлиннику, тѣмъ она выше. Вовторыхъ, такая пародія требуетъ полнаго и мѣткаго указанія тѣхъ противорѣчій, которыя пародируемый писатель представляетъ въ отношеніи къ дѣйствительности или къ идеалу; слѣдовательно, такая пародія требуетъ яснаго пониманія этой дѣйствительности, этого идеала; она вызывается этимъ пониманіемъ, и служитъ для его выраженія и проясненія. Такимъ образомъ, изъ-за настоящей пародіи долженъ выглядывать тотъ взглядъ на предметъ, то лучшее и высшее его пониманіе, противъ котораго фальшивить пародируемый авторъ.

Въ такомъ смыслѣ, какъ обличеніе фальши передъ истинною, пародія есть вполне поэтическое дѣло, вызываемое дѣйствительною поэтическою потребностію и требующее высокаго таланта. И въ этомъ смыслѣ пародіи Пушкина суть произведенія удивительныя по глубинѣ и мастерству, лучшія пародіи, какія когда либо были писаны.

Слѣзаемъ еще отступленіе. Пародіи Пушкина писаны въ 1830 году, въ самомъ плодотворномъ году его дѣятельности.* По мнѣнію П. В. Анненкова, впрочемъ, пародія на Данта писана нѣсколько позднѣе, въ 1832 году. Но Пушкинъ до конца своей жизни никогда не думалъ печатать этихъ странныхъ произведеній, и они явились только послѣ его смерти въ «Современникѣ». Мы знаемъ, что въ послѣднее свое время Пушкинъ вообще боялся публики, поэтому медлилъ печатаніемъ своихъ вещей, или употреблялъ разныя уловки и предосторожности, чтобы охранить себя отъ неблагопріятныхъ сужденій. Въ отношенія къ пародіямъ можно почти навѣрное сказать, что онѣ сдѣланы имъ только для себя. Это была свободная игра его могучаго генія, смыслъ которой едва-ли былъ бы доступенъ для его читателей.

Такимъ образомъ, эти произведенія составляютъ одно изъ указаній на тѣ широкіе размахи, къ которымъ спо-

собенъ былъ Пушкинъ, на тѣ глубокія и трудныя задачи, которыхъ онъ касался смѣло, какъ власть имущій. Подобныхъ гениальныхъ попытокъ не мало у Пушкина, и онъ могутъ представить для насъ высокое поученіе, если мы уразумѣемъ ихъ въ настоящемъ смыслѣ.

Не имѣя въ виду изложить здѣсь полный анализъ двухъ пародій, о которыхъ мы говоримъ, приведемъ, однакоже, нѣкоторые доказательства своего мнѣнія.

«Лѣтопись села Горохина» писана языкомъ карамзинской «Исторіи», этимъ знаменитымъ слогомъ, въ которомъ русская проза впервые зазвучала нѣсколько искусственною и монотонною, но ясною мелодіею. Расположеніе пародіи напоминаетъ первый томъ «Исторіи Государства Россійскаго». Вступленіе соотвѣтствуетъ предисловію. Отъ стиховъ и повѣстей Бѣлкинъ, подобно Карамзину, перешелъ къ исторіи, и перешелъ съ тѣми же чувствами. «Мысль—пишетъ Бѣлкинъ — оставить мелочныя и сомнительныя анекдоты для повѣствованія великихъ и истинныхъ происшествій давно тревожила мое воображеніе» (т. IV, стр. 223). Такъ смотрѣлъ и Карамзинъ. «И вымыслы нравятся—говоритъ онъ—но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина» (Предисл. X). Взглядъ на значеніе исторіи у обоихъ совершенно одинаковъ. «Быть судіею, наблюдателемъ и пророкомъ въ ковъ и народовъ казалось мнѣ высшею степенью, доступной для писателя». Такъ пишетъ Бѣлкинъ, и такъ же начинается Карамзинъ: «Исторія есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зеркало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ» и пр.

За вступленіемъ слѣдуетъ списокъ источниковъ, какъ и у Карамзина; затѣмъ «Баснословныя Времена», соотвѣтствующія первой главѣ, и «Времена Историческія», соотвѣтствующія третьей главѣ перваго тома «Исторіи Государства Россійскаго».

Всего янѣ параллельность двухъ послѣднихъ частей. Карамзинъ всячески восхваляетъ древнихъ славянъ; тѣмъ

же хвалебнымъ тономъ пишетъ Бѣлкинъ о своихъ горохинцахъ.

Карамзинъ: «Славяне имѣли въ странѣ своей истинное богатство людей: тучные луга для скотоводства, и земли плодоносныя для хлѣбопашества, въ которомъ издревле упражнялись» (стр. 64).

Бѣлкинъ: «Издревле Горохино славилось своимъ плодородіемъ и благораствореннымъ климатомъ. На тучныхъ его нивахъ рожь, овесъ, ячмень и грѣчиха».

Карамзинъ: «Греки, осуждая нечистоту славянъ, хвалятъ ихъ стройность, высокій ростъ и мужественную пріятность лица. Загарая отъ жаркихъ лучей солнца, они казались смуглыми, и всѣ безъ исключенія были русые» (стр. 55).

Бѣлкинъ: «Обитатели Горохина, большею частію, роста средняго, сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрые, волосы русые или рыжіе».

Карамзинъ: «Поляне были образованнѣе другихъ». «Древніе славяне въ низкихъ хижинахъ своихъ умѣли наслаждаться дѣйствиємъ такъ-называемыхъ Искусствъ Изящныхъ». «Волынка, гудокъ и дудка были также извѣстны предметамъ нашимъ: ибо всѣ народы славянскіе донынѣ любить ихъ» (стр. 69).

Бѣлкинъ: «Музыка была всегда любимое искусство образованныхъ Горохинцевъ; балалайка и волынка, услаждая чувства и сердце, понынѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ елкою».

Но еще сильнѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ чертахъ, въ общемъ тонѣ «Лѣтописи села Горохина» чувствуется удивительно-схваченная манера Карамзина; перечитывая потомъ первый томъ «Исторіи», нельзя не чувствовать глубокой фальши, въ которую впалъ Карамзинъ, рѣзкаго, и потому смѣшного противорѣчія между предметомъ и изложеніемъ.

Итакъ, вотъ что сдѣлалъ Пушкинъ. Онъ позволилъ себѣ лукавую и веселую дерзость, далеко превосходящую

дерзости современныхъ намъ нигилистовъ. Онъ рѣшился подсмѣяться надъ нашими лѣтописями и надъ великимъ трудомъ Карамзина, безъ сомнѣнія, величайшимъ произведеніемъ русской литературы до Пушкина.

Но какая разница между взглядомъ поэта, умѣющаго видѣть больше другихъ людей, и тупымъ отрицаніемъ, опирающимся на одномъ непониманіи! Сквозь насмѣшки Пушкина сквозить истина дѣла; какъ живое, встаетъ передъ вами Горохино, и вы начинаете догадываться, въ какомъ правдивомъ свѣтѣ можно бы изложить исторію нашихъ предковъ. Карамзинъ, очевидно, употребилъ для этой исторіи чужія мѣрки, облекъ ее въ ложныя краски; Пушкинъ глубоко почувствовалъ фальшь и попробовалъ сдѣлать нѣсколько штриховъ, вполне вѣрныхъ дѣйствительности: контрастъ вышелъ поразительный.

Для нашихъ историковъ «Лѣтопись села Горохина» должна служить постояннымъ указаніемъ на то, къ чему они должны направлять всѣ усилія при изображеніи далекой старины, людей и нравовъ, стоящихъ на совершенно иныхъ ступеняхъ развитія, имѣющихъ совершенно инныя формы жизни. Всему своя мѣра.

Не такъ легко опредѣлить смыслъ пародіи на Данте. Но что это дѣйствительная пародія, въ этомъ легко убѣдиться. Кто читалъ, тотъ, конечно, помнитъ эти стихи съ нестерпимо-рѣзкими образами:

И далъ мы пошли — и страхъ обнялъ меня.
Бѣсенокъ, подъ себя поджавъ свое копыто,
Крутилъ ростовщика у адскаго огня.

Горячій капалъ жиръ въ копченое корыто,
И лопалъ на огнѣ печеный ростовщикъ,
А я: повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто?

Виргилій мнѣ: мой сынъ, сей казни смыслъ великъ.
Одно стяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметъ,
Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой старикъ

И ихъ безжалостно крутилъ на вашемъ свѣтѣ.

Тутъ все Дантовское: краски, обороты, и въ содержаніи—соотвѣтствіе между казнью грѣшника и грѣхами, за которые эта казнь воздается. Для сравненія вотъ отрывокъ изъ XXI пѣсни «Ада». Дантъ видитъ чорнаго бѣса, который бѣжитъ «стуча копытами и хлопая крылами.»

Взваливъ себѣ на острыя плеча
И возлѣ пять когтыи вдѣпившись въ кости,
Онъ за ноги мчалъ грѣшника, крича:

«Вотъ старшина святыхъ Зиты!»...

Швырнувъ его, умчался бѣсъ понурый,
И никогда съ такою быстротой
За вормъ пѣсь не гнался изъ конуры.

Тотъ въ глубь нырнулъ и всплылъ, облить смолой;
А демоны изъ-подъ скалы висячей
Вскричали: «Здѣсь иконы нѣтъ святой!»

И сто багровъ въ него всадили вмигъ,
Вскричавъ: «Пляши, гдѣ варъ сильнѣй вскипаетъ
И, если можешь, надувай другихъ!»

Тамъ поваренковъ поваръ заставляетъ
Брючками мясо погружать въ котлѣ.
Когда оно поверхъ воды всплываетъ.

(Переводъ Д. Мина. XXI, 34—57).

Очевидно, поэтическое чувство Пушкина было оскорблено грубою матеріальностью этихъ картинъ, избыткомъ въ нихъ яркихъ красокъ и рѣзкихъ движеній, заслоняющихъ внутреннее содержаніе. Въ этомъ ощущеніи дисгармоніи выразилась и разница между южной, итальянской натурой Данта и сѣвѣрною природою нашего поэта, и, можетъ быть, другая, еще болѣе глубокая разница,—между міросозерцаніемъ Запада вообще и среднихъ вѣковъ въ особенности, и міросозерцаніемъ нашего времени и нашего русскаго духовнаго строя. Въ другихъ, уже серьезныхъ, а не пародическихъ терцинахъ Пушкинъ, кажется, пробо-

валъ олицетворять свои собственные священные идеи, и тогда получались уже совершенно иные образы. Вспомните эту величавую жену, которую поэтъ видѣлъ такъ ясно:

Ея чела я помню покрывало
И очя, свѣтлыя, какъ небеса.

Какая чистота линий, какое спокойствіе и простота въ этомъ образѣ, а между тѣмъ, онъ исполненъ невыразимаго величія:

Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ
И подныя святыни словеса.

VI. Вредный характеръ нашей литературы.

Статья наша по необходимости вышла слишкомъ отрывочна и несоразмѣрна въ своихъ частяхъ: причина этого въ самомъ предметѣ, чрезвычайно трудномъ, и вмѣстѣ очень богатомъ. Мы не имѣли возможности сослаться на общепринятые истины, на ходячіе результаты; приходилось или пускаться въ подробныя объясненія, или дѣлать слишкомъ общіе и отрывочные очерки.

Въ заключеніе, мы хотѣли поговорить о вредѣ русской литературы — тема необыкновенно интересная и поучительная, на которую уже мы наметали. Странное явленіе! Эта бѣдная литература имѣетъ честь возбуждать къ себѣ сильное враждебное чувство съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Трудно даже сказать, есть ли люди, любящіе и уважающіе нашу литературу; люди же, питающіе къ ней вражду и считающіе ее злокачественнымъ элементомъ русской жизни — на лицо, и сужденія ихъ раздаются громко и часто.

Извѣстна всѣмъ непріязнь, исповѣдываемая въ этомъ отношеніи нашими ретроgrадами, людьми отсталыми и мало просвѣщенными. Для нихъ литература есть источникъ великаго зла; для нихъ Гоголь и Бѣлинскій—развратители юности, новѣйшіе же писатели и туго хуже. Естественно, что чѣмъ ретроgrаднѣе человѣкъ, тѣмъ дальше назадъ онъ простираетъ свое осужденіе, такъ что для много Лермонтовъ и Пушкинъ суть тоже легкомысленные и безнравственные писатели, и т. д.

Совершенно въ обратномъ порядкѣ налагаютъ тѣнь осужденія на нашу литературу люди просвѣщенные и либеральныя. Всего зловреднѣе для нихъ кажутся самыя старыя писатели: Ломоносовъ, Державинъ; затѣмъ, оцѣнка ихъ смягчается по мѣрѣ приближенія къ нашему времени. Но законъ и здѣсь тотъ же: чѣмъ просвѣщеннѣе и прогрессивнѣе человѣкъ, тѣмъ дальше впередъ, тѣмъ ближе къ настоящей минутѣ онъ подвигаетъ роковую грань осужденія; есть такіе, для которыхъ эта грань уже захватываетъ Гоголя и Бѣлинскаго, а многіе подвинули ее и еще дальше.

Для нашихъ отсталыхъ людей, наша литература давно уже сбилась съ надлежащаго пути и колеситъ Богъ-знаетъ по какимъ трупамъ; для нашихъ просвѣщенныхъ людей — она принялась за дѣло только со вчерашняго дня, а до тѣхъ поръ стремилась къ нечѣснымъ цѣлямъ и только сбивала людей съ толку. Такимъ образомъ, результатъ одинъ: литература наша признается никуда негодною, въ ней отрицается всякій прогрессъ, всякое живое начало, и каждый ея дѣятель подвергается одинаковому осужденію съ противоположныхъ сторонъ.

Какъ мы сказали, это дѣлаетъ великую честь литературѣ, ибо явно обнаруживаетъ ея силу, глубину и самостоятельность ея движенія. Ничего нѣтъ мудренѣе, что ни наши ретроgrады, ни наши прогрессисты одинаково не понимаютъ дѣла, совершаемаго литературою; понятно также, почему они всячески преслѣдуютъ ее и унижаютъ: она имъ мѣшаетъ, заслоняетъ имъ свѣтъ.

Весьма интересно углубиться въ различные проявленія этой вражды; ибо въ нихъ мы нашли бы указанія именно на тѣ черты нашей литературы, которыя не подчиняются узкимъ и одностороннимъ взглядамъ и особенно беспокоятъ враждующихъ. Мы думали здѣсь, въ видѣ примѣра, остановиться на краткомъ очеркѣ исторіи нашей литературы, который мы нашли въ книгѣ: «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ» *), и который показался намъ весьма назидательнымъ.

Густою тѣнью покрыта въ этомъ обзорѣ дѣятельность всѣхъ нашихъ писателей, не исключая и Бѣлинскаго, и того послѣдняго періода нашей беллетристики, въ которому относятся «Тургеневъ, Гончаровъ и прочіе писатели этой школы». Вотъ какъ характеризуется этотъ періодъ и эта школа: «Въ лучшихъ людяхъ уже созрѣла мысль о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права. Но затѣмъ это была едвали не единственная ясно сознаваемая общественная идея этого времени; всѣ другія общественныя потребности вызывали въ «лишнихъ людяхъ» только темныя предчувствія, въ которыхъ они не могли дать себѣ отчета».

Если таковъ приговоръ надъ направленіемъ Бѣлинскаго и школою имъ воспитанной, то читатель легко представить, въ какомъ видѣ изображена дѣятельность предшествовавшихъ писателей. Она является въ высшей степени безплодною и ничтожною. Тѣнь положена такъ густо, что вовсе невозможно различить одного времени отъ другаго. «Новый періодъ русской новой литературы, говоритъ «Обзоръ», начинаютъ съ Карамзина и Жуковскаго». Но это конечно несправедливо, такъ-какъ, что же можно признать дѣйствительно новымъ въ этой постоянной игрѣ въ бирюльки? И въ самомъ дѣлѣ борьба, возбужденная «нововведеніями Карамзина и Жуковскаго», состояла вотъ въ чемъ: «сантиментальная измѣненность одного и романтической туманъ другаго показали ересью приверженцамъ

*) Спб. 1865.

старой торжественной оды», т. е., какъ говорится въ другомъ мѣстѣ, «наиболѣе ничтожной литературной формы». Одни пустяки смѣнились другими—вотъ весь смыслъ мнимаго наступленія новаго періода.

Но оставимъ отдѣльные отрицательныя черты, такъ щедро разсыпанныя въ небольшомъ очеркѣ по всему поприщу нашей словесной исторіи, что много нужно бы времени, чтобы перебрать ихъ всѣ и взвѣсить надлежащимъ образомъ. Картина выходитъ туманная, безсвязная, въ которой ничего разобрать нельзя вслѣдствіе избытка темныхъ красокъ. Есть, однакоже, упрекъ, который повторяется очень часто въ этомъ очеркѣ, прилагается къ писателямъ различныхъ временъ и потому, какъ намъ кажется, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на всю картину, нѣсколько связываетъ ея разрозненныя части. Именно, почти всѣхъ нашихъ главныхъ писателей «Обзоръ» завиняетъ—въ чемъ бы вы думали? — въ нѣкоторомъ славянофильствѣ. Такъ, о Фонвизинѣ сказано, что онъ «изъ чисто-славянофильскихъ тенденцій бранитъ Западную Европу». Весьма рѣзкій приговоръ надъ Карамзинымъ завершается словами: «Въ немъ были уже задатки настоящаго славянофильства». О Пушкинѣ, неоправдавшемъ надеждъ, поданныхъ имъ въ молодости, говорится: «Въ позднѣйшую эпоху дѣятельности у Пушкина начинаютъ выказываться вещи, которыя потомъ назывались славянофильствомъ». Съ Гоголемъ случилось то же самое; онъ тоже подчинился «вліянію извѣстныхъ тенденцій» и «вздумалъ поставлять читателю мнимыя русскіе идеалы».

Преинтересныя замѣчанія! Авторъ, къ сожалѣнію, бросилъ ихъ вскользь и не замѣтилъ, что они сливаются въ нѣчто цѣлое. Открывъ столь важное явленіе, можно было бы прослѣдить его дальше; не отзывается ли славянофильство и у другихъ нашихъ писателей? Намъ кажется, слѣды его есть и у Лермонтова, и у Грибоѣдова, и у многихъ другихъ. Такимъ образомъ, славянофильство составляетъ, можетъ быть, общій характеръ вашей литературы—выводъ необыкновенно важный, еслибы онъ подтвер-

дѣлся основательными изслѣдованіями. Если наша бѣдная литература имѣетъ какое-нибудь значеніе, то славянофилы; конечно, были бы въ правѣ гордиться подобнымъ открытіемъ; для нихъ было бы лестно убѣдиться, что каждый замѣчательный русскій писатель былъ болѣе или менѣе славянофиломъ, что если иные изъ нихъ въ началѣ шли по другому направленію, то подѣ конецъ все-таки приходили къ тому же славянофильству.

Съ другой стороны, еслибы это было справедливо, то стало бы совершенно понятно, почему люди иныхъ убѣждений смотрятъ такъ неблагоклонно на исторію русской литературы, не признаютъ въ ней никакой жизненности и отрицаютъ значеніе нашихъ писателей. Если каждый изъ дѣятелей, создавшихъ нашъ языкъ и нашу литературу, былъ болѣе или менѣе славянофиломъ, то люди, для которыхъ славянофильство — соблазнъ и безуміе, не могутъ признавать за этой литературой живого содержанія и живого развитія.

Итакъ, вотъ еще черта глубины и самостоятельности нашей литературы. Ея содержаніе, ея стремленія и задачи гораздо обширнѣе и важнѣе, чѣмъ думаютъ многіе дѣятели; западники находятъ ее славянофильской, славянофилы западнической; но она ни то, ни другое.

На прощанье мы желаемъ поздравить читателя съ тѣмъ оживленіемъ литературной дѣятельности, которое предстоитъ въ наступающемъ году. Появляются новые журналы, старые обновляются. Пусть гг. фельетонисты, упрекавшіе насъ за твердую увѣренность въ безостановочномъ развитіи нашей литературы, сознаются теперь, какъ они были неправы. Блистательное превращеніе, совершающееся въ настоящую минуту, не показываетъ ли, что мы обильны силами, стремленіями, дѣятельностію? Какъ только явился случай, представилась возможность, цѣлые ряды умственныхъ дѣятелей выступили на общественное поприще и, нѣтъ сомнѣнія, новыя, свѣжія, живыя мысли польются непрерывнымъ потокомъ. Фельетонисты должны съ слѣдующаго года прекратить свои рыданія и жалобы

на пустоту и безплодіе журналистики; эти строгіе судьи не будутъ уже смотрѣть на журнальныя книжки съ своимъ обычнымъ высокоуміемъ; напротивъ, будутъ приступать къ нимъ съ почтеніемъ и жаждою просвѣщенія; каждый фельетонъ ихъ теперь можетъ начинаться словами: «при томъ блестящемъ положеніи, въ которомъ находится наша журналистика, при обиліи оригинальныхъ и полныхъ интереса явленій въ этой области, мы затрудняемся» и пр.

Такъ идутъ дѣла въ нашей литературѣ. Пусть теперь читатель самъ рѣшаетъ: признакъ ли это дѣйствительнаго богатства, или признакъ нѣкоторой бѣдности нашей литературы? Наступаетъ ли то новое, что мы пророчили въ нашихъ замѣткахъ, или это будетъ только повтореніе стараго?

1867 г. 22 дек.